

0-773180

На правах рукописи

ЛУТИН Сергей Алексеевич

**СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва - 2008

**Работа выполнена на кафедре общего и русского языкознания
Российского университета дружбы народов**

Научный консультант –
академик РАЕН, академик МАНПО,
доктор филологических наук, профессор
(Российский университет дружбы народов)

Крылова Ольга Алексеевна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
(Московский государственный университет печати)

Маркелова Татьяна Викторовна

доктор филологических наук, профессор
(Институт языкознания Российской академии наук)

Уфимцева Наталья Владимировна

доктор филологических наук, профессор
(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

Федосюк Михаил Юрьевич

Ведущая организация:

Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

Защита диссертации состоится 31 октября 2008 г. в 15 часов
на заседании диссертационного совета Д 212.203.12
при Российском университете дружбы народов
по адресу: Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, зал № 1.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского университета дружбы народов (117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6).

Автореферат диссертации размещен на сайте РУДН – www.rudn.ru.

Автореферат диссертации разослан 22 сентября 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000439087

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Н.Ю. Нелюбова

Общая характеристика работы

Настоящее диссертационное исследование посвящено системно-функциональному анализу категории падежа в русском языке.

Интерес ученых к выделению, описанию и осмыслению падежей как составных элементов целостной подсистемы языка, по-видимому, столь же древен и стоек, как попытки человека структурировать окружающий мир и систематизировать наблюдаемые явления. Уже в V в. до н.э. мы находим достаточно законченную и системную падежную доктрину в знаменитом древнеиндийском «Восьмикнижии» Димри Дж. П. Панини – первой дошедшей до нас грамматике санскрита. Почти в то же время Аристотель в своей «Поэтике» впервые вводит термин "падеж", который впоследствии прочно закрепится в европейской лингвистической традиции (πῶς), а в античности станет предметом бурной дискуссии перипатетиков (последователей Аристотеля) и стоиков.

Видный представитель александрийской грамматической школы Дионисий Фракийский, его последователи Диомед (IV век н.э.) и Присциан (V в. н.э.), с одной стороны, Универсальная грамматика Ф. Санчеса «Минерва» (1587 г.) и «Общая и рациональная грамматика» Антуана Арно и Клода Лансло (1660 г.) – с другой, намного приблизили нас к современному пониманию падежа.

Что касается русской лингвистической традиции, то здесь выдающийся вклад в описание категории падежа (как с чисто терминологической, так и с содержательной точки зрения), безусловно, внес М.В. Ломоносов, опиравшийся в своих исследованиях как на упомянутую выше рациональную грамматику Пор-Рояля, так и на труды своих российских предшественников – Лавретния Зизания (1596 г.) и Милетия Смотрицкого (1619 г.). Ломоносовская терминология прочно утвердилась в отечественной науке и практике преподавания русского языка.

Разработка принципов выделения падежей в русском языке и анализ их семантики стал органической частью лингвистических концепций таких классиков отечественного языкознания конца XIX-начала XX вв., как Л.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский.

Вместе с тем, подлинный интерес к структурному построению категории падежа как целостной языковой подсистемы, к содержательной классификации падежей, к выявлению их поверхностной и глубинной семантики появился лишь в 30-ые годы XX века.

Начало целому ряду специальных исследований, посвященных категории падежа, положила работа выдающегося датского лингвиста Л. Ельмслева «La catégorie des cas. Etude de grammaire générale». Практически одновременно появляются знаменитые работы Р. Якобсона «К общему учению о падеже» (1936 г.) и А.В. де Гроота «Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et des cas» (1939 г.). Новый всплеск интереса к категории падежа возникает в связи с появлением в середине 50-ых годов работ Е. Куриловича по падежной семантике и новой работы де Гроота (1956 г.), значительно пересмотревшего свои взгляды.

Новым словом в изучении категории падежа стала «падежная грамматика» Ч. Филлмора, впервые опубликованная в 1968 г. Отказ от учета формальных способов выражения падежных значений и перенос анализа в плоскость «глубинных структур» и «семантических ролей аргумента» оказался весьма востребованным на том этапе развития лингвистики, особенно американской, и породил целый ряд самостоятельных моделей «падежной грамматики» (модель Чейфа (1975 г.), локалистская модель Дж. Андерсона (1971 г.), модель, основанная на тематических отношениях [Jackendoff 1972] и [Gruber 1976]), модель, разработанная в рамках тагмематики [Pike K.L., Pike E. 1977] и «матричная» модель У. Кука (1979 г.).

Невозможно переоценить и вклад отечественных языковедов в разработку проблематики падежа. Это и "формальные" теории В.А. Успенского ([1957 г.], А.В. Гладкого (1969 г.; 1999 г.), И.А. Мельчука ([1974; 1998 г.]; А.А. Зализняка (1967 г.),

методологически близкие к ним концепции Т.В. Булыгиной (1961 г.) и В.В. Мадояна (1989 г.); это и концепция С.К. Шаумяна в его «аппликативной грамматике» (1974 г.); это и описание падежей с опорой на понятие диатезы у С.Е. Яхонтова (1978 г.); это и "типологический" подход С.Д. Кацнельсона (1972 г.); это и различные попытки синтеза морфологического и синтаксического подходов в работах Н.Ю. Шведовой (1978 г.) и, с иных позиций, Ю.С. Степанова (1968 г.); и "позиционный анализ" Е.В. Клобукова 1979 г.; 1986 г.); и "последовательно типологический" – В.А. Плунгяна (2000 г.); и наиболее близкий нам "системный подход" Г.П. Мельникова (1980 г.); это и "контентивно-типологический" подход А.Е. Кибрика (1992 г.); типологический анализ А.М. Лаврентьева (2001 г.) и многие другие, простое перечисление которых заняло бы несколько страниц.

Несмотря на огромное количество целостных концепций категории падежа и отдельных работ, посвященных изучению этой категории, в лингвистике до сих пор не существует устоявшегося мнения не только на природу этой языковой категории, но и даже единого определения термина **падеж**. Такое положение дел позволяет, как представляется, ещё раз обратиться к исследованию падежей в русском языке как флективным языке номинативного строя, с целью доказать, что падежная система представляет собой системно организованную категорию, каждый элемент которой (падеж) выполняет в её рамках вполне определенную функцию, а вся падежная система предназначена для выполнения единой функции в языке как своей надсистеме.

В связи с этим, **объектом** настоящего исследования является русская падежная система.

Предметом исследования являются грамматические значения русских падежей с точки зрения реализации в них инвариантных падежных функций.

Общая цель исследования заключается в выявлении и объяснении принципов функционирования падежной системы как элемента надсистемы – современного русского языка.

Для достижения общей цели предпринята попытка решить следующие **частные задачи**:

- выявить для каждого русского падежа инвариантную функцию, объединяющую всё многообразие его грамматических значений в цельное системно-функциональное поле;
- показать динамику развития инвариантных функций русских падежей от исходного состояния к актуальному;
- доказать, что появление/отмирание частных грамматических значений падежей определяется их соответствием/несоответствием инвариантной функции падежа на очередном этапе её развития;
- определить критерии системно-функционального противопоставления русских падежей и представить падежи в виде целостной системы, объединенной единой функцией.

Актуальность данной работы связана со стремлением проанализировать падежную систему в соответствии с «новым обликом» современной лингвистики – объяснительной, антропоцентричной, функциональной. Это выражается в том, что в ходе исследования

- осуществляется выявление причинно-следственных связей в языке, а также показываются условия их возникновения и исчезновения;
- доказываются возможность и необходимость рассмотрения падежей с точки зрения интенций говорящего, стремящегося с помощью различных средств номинативного флективного языка максимально точно передать свой коммуникативный замысел слушающему;
- подчеркивается, что приоритетным при характеристике падежей является выявление их функциональных особенностей как элементов системы.

Новизна исследования определяется тем, что проведено чёткое различие функционального и семантического уровней анализа, в результате чего выявлена инвариантная функция каждого из русских падежей, а также определены критерии их системно-функционального противопоставления; вместо многочисленных частных грамматических падежных значений, выделяемых в существующих лингвистических исследованиях, сформулированы системообразующие инвариантные функции, из которых выводятся эти частные значения; показана динамика их исторического развития в связи с развитием инвариантных функций.

Общая гипотеза исследования заключается в следующем: традиционно выделяемые грамматические значения каждого из падежей объединяются в сознании носителей языка в единый падеж не только благодаря формальному единообразию, но и благодаря единой, инвариантной функции. Инвариантная функция проявляется во всех падежных значениях, отвечая при этом на вполне определенный функциональный запрос падежной системы и тем самым поддерживая её функционирование как целостной системы в надсистеме следующего яруса – языке; при этом инвариантные функции падежей оказываются системно противопоставленными друг другу по ряду коммуникативно значимых критериев.

В рамках доказательства общей гипотезы на защиту выносятся следующие положения:

1. для каждого русского падежа может быть выявлена единая инвариантная функция (кроме особняком стоящего родительного падежа);
2. инвариантная функция развивается вместе с развитием всей системы языка от исходного состояния к актуальному¹;
3. развитие грамматических значений падежей, отмирание старых и рождение новых определяется развитием инвариантной функции падежа;
4. чем более адаптированной (т.е. совершенной) в рамках данного типа языковой системы – номинативного языка флективного типа в случае русского языка) становится система, тем более чётко противопоставленными и взаимодополняющими друг друга становятся инвариантные функции падежей, тем более стройную систему они образуют;
5. выявление инвариантных функций падежей и определение направления их развития позволяет не только объяснить многие особенности функционирования падежей в современном русском языке, но и в ряде случаев прогнозировать дальнейшее развитие тех или иных языковых процессов.

Теоретическая значимость исследования заключается в его экспланаторности: поставлена и решена задача объяснения сущности и принципов развития русской падежной системы; доказана принципиальная возможность выявления инвариантов при анализе грамматических систем в целом и русских падежей, в частности.

Практическая ценность исследования состоит в возможности использования полученных результатов при чтении курсов по морфологии и синтаксису русского языка, при составлении учебников нового поколения по русскому языку для иностранцев – учебников, направленных на развитие лингвистической компетенции и чувства языка; а также при подготовке спецкурсов по проблемам общего языкознания.

Методологической базой исследования является системная лингвистика и системная типология языков, разработанная в трудах известного российского лингвиста Г.П. Мельникова.

Методика исследования языкового материала может быть сформулирована следующим образом: от синхронии к диахронии и через диахронию к новому осмыслению современных языковых процессов. На основе анализа нескольких падежных значений

¹ При назывании инвариантной функции актуальной здесь и далее имеется в виду исключительно временная отнесенность понятия к современному состоянию русского языка.

делается предположение об актуальной инвариантной функции определенного падежа. Далее осуществляется анализ всех известных значений данного падежа в современном языке с точки зрения проявления в них актуальной инвариантной функции. Те значения, которые оказываются не соответствующими предполагаемой функции, исследуются с диахронической точки зрения: семантическая история падежа призвана проявить "затемненную" искомую функцию либо привести к выявлению иной инвариантной функции для предшествующего синхронного среза. В конечном итоге, актуальное семантическое поле определенного падежа оказывается неоднородным: часть его значений есть проявление исходной инвариантной функции этого падежа, другая часть – соответствует актуальной инвариантной функции, третья часть отражает намечающиеся тенденции функционального развития того или иного падежа.

Основным результатом исследования является выявление исходных и актуальных инвариантных функций русских падежей и критериев их системно-функционального противопоставления, а также представление системно-функционального поля каждого из падежей в виде динамически развивающейся системы, все элементы и связи которой определяются на каждом конкретном этапе синхронной инвариантной функцией падежа, а общий вектор развития задается направлением развития инвариантной функции – от исходной к актуальной.

Апробация работы. Результаты исследования нашли своё отражение в монографии и 18 научных публикациях; из них 8 опубликованы в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ.

Основные положения работы легли в основу докладов и стали предметом обсуждения на международных научных конференциях и семинарах, в частности: на X Конгрессе МАПРЯЛ (Санкт-Петербург, 2003), XI Конгрессе МАПРЯЛ (Варна, 2007), на II Международном конгрессе исследователей русского языка (Москва, МГУ, 2004), на III Международном конгрессе исследователей русского языка (Москва, МГУ, 2007 г.), на XI Международной научно-методической конференции в Варшава (2004), на Международной конференции «Проблемы функционирования и преподавания русского языка в Юго-Восточной Азии» (Ханой, 2005), на Международной научной конференции «Проблемы функционирования русского языка в Республике Армения» (Ереван, 2006), на Международном семинаре преподавателей русского языка и литературы в рамках Дней русского языка во Франции (Париж, 2004), на Международном семинаре преподавателей русского языка и литературы в рамках Дней русского языка в Бельгии (Брюссель, 2005), на Международных семинарах преподавателей русского языка и литературы в рамках Дней русского языка в Индии (Мумбай 2005; Мумбай 2006; Дели-Мумбай, 2007).

Внедрение результатов работы. Полученные в ходе исследования результаты легли в основу спецкурса «Грамматические категории русского языка в системно-функциональном аспекте», прочитанного в 2006/2007 и 2007/2008 учебных годах студентам дневного и вечернего отделений Института иностранных языков Московского авиационного института (ГТУ).

Предварительное обсуждение диссертации состоялось на кафедре общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Диссертация состоит из Введения; теоретической главы, посвященной обоснованию методологии и методов исследования, а также формулировке базовых понятий и основной гипотезы (Глава 1); шести глав, каждая из которых посвящена анализу одного из шести традиционно выделяемых в русском языке падежей (Главы 2-7); Главы 8, специально посвященной способам выражения семантического субъекта в русском языке; Заключения, обобщающего результаты исследования; Библиографии и Приложения, в

котором приводятся схемы хронологического развития функциональных полей русских падежей.

Основное содержание работы

В Главе 1 «Основные теоретические положения» излагаются общие принципы системологии и системной лингвистики, разработанные в трудах выдающегося российского языковеда Г.П. Мельникова и принимаемые в качестве методологической базы исследования.

Ключевым понятиям системологии, является понятие **детерминанты**, под которой понимается ведущая грамматическая тенденция языка, его специфический способ функционирования, который предопределяет особенность всех конкретных единиц и ярусов языка в их системной взаимосвязи (Г.П. Мельников).

Перечень предпочтений средств намека, обеспечивающий наиболее эффективную коммуникацию, Г.П. Мельников связывал с операторским представлением о *ракурсе* изображения, который в системной типологии языков назван **коммуникативным ракурсом языка** как его внутренней детерминантой.

Русский язык относится учёным к языкам мегаколлективов, в которых говорящий должен строить своё высказывание, исходя из того, что собеседнику может быть вообще ещё ничего не известно о сообщаемом событии. Поэтому типичное высказывание на языке, оптимизированном для общения в мегаколлективе, должно содержать в себе сведения и о субъекте, и об объекте, и о том действии, которое субъект направляет на объект, и об иных участниках события и об обстоятельствах его протекания. Такой способ построения высказывания, обеспечивающий эффективное речевое общение между членами мегаколлектива, называется в работах по системной лингвистике **событийным**.

В диссертационном исследовании основные положения системной лингвистики применяются к анализу падежной системы русского языка.

Стремление преподнести любой, даже самый статичный сюжет как развивающееся событие, подталкивающее многократной передаче "из уст в уста" с минимальными смысловыми искажениями, приводит к тому, что говорящему приходится максимально точно указывать слушающему на своё представление о роли соответствующих партиципентов в развитии события и о степени их причастности к его развитию. Возникновение такого **функционального запроса** в системе языка приводит к появлению специальных средств для его выполнения: зарождается особая подсистема языковых средств, которая постепенно развивается и совершенствуется в направлении предельно точного выполнения функционального запроса. Такой **специализированной подсистемой языковых средств**, позволяющих максимально точно передать представление говорящего о коммуникативно значимых ролях участников в описываемой ситуации путем соответствующего **маркирования²** их имен, и стала **русская падежная система**. Именно так в работе определяется **основная функция падежной подсистемы** в системе русского языка как флексивного языка номинативного строя с событийным коммуникативным ракурсом.

Исходя из этого, предлагается следующее определение падежа: **падеж существительного** – это словоизменительная грамматическая категория, выражающаяся в системе противопоставленных друг другу рядов форм, с помощью которых оформляется представление говорящего (пишущего) о коммуникативно значимой роли каждого из участников описываемой ситуации.

² Термин "маркер" используется в настоящей работе для обозначения языкового знака, указывающего на определенную коммуникативно значимую функцию словоформы. Следовательно, "маркирование имени" означает указание на его коммуникативно значимую функцию при данной реализации в речи.

Отдельно подчеркивается, что в работе проводится функциональный анализ системы падежей существительных (не выделяя отдельно, но подразумевая и местоимения как их субституенты). Это объясняется тем, что именно существительные являются носителями падежных значений и функций, тогда как для прилагательных и прочих согласуемых с существительными частей речи падеж является лишь одним из способов согласования словоформ в предложении.

Поскольку падежная система в целом является надсистемой для каждого из падежей как её элемента, логично предположить, что свойства каждой из подсистем падежной системы (каждого падежа) задаются определенным функциональным запросом этой надсистемы. Из этого следует, что и каждый падеж должен иметь свою особую функцию, своё "предназначение" в этой надсистеме, по существу, свою внутреннюю детерминанту.

Таким образом, одной из основных целей исследования становится поиск "предназначения" каждого из русских падежей в падежной системе русского языка, другими словами, поиск внутренней детерминанты каждого падежа. Такая внутренняя детерминанта называется в работе **инвариантной функцией** падежа, с тем чтобы избежать терминологической путаницы, которая может возникнуть в связи с тем, что термин *внутренняя детерминанта* применяется в системной типологии по отношению к типам языковых систем, а не к частным подсистемам.

В связи с введенным термином в работе уточняются составляющие его понятия – инвариант и функция.

Под функцией элемента как подсистемы в системе более высокого яруса в диссертации понимается его "предназначение" в этой системе. Одной своей стороной функция элемента как целостной части системы обращена "вовне" – к самой этой системе: предназначение, или функция, элемента в системе определяется, задается функциональным запросом, потребностью системы в поддержании определенных её свойств.

Другая сторона функции элемента, теперь уже как сложного составного объекта, обращена "внутрь" той подсистемы, которой он и является сам по себе. Другими словами, функция элемента является для всех его составных частей тем функциональным запросом (внутренней детерминантой, по Мельникову), который и определяет состав, свойства и структуру связей "элементов элемента". В этом смысле все элементы подсистемы во всем их многообразии объединяются ради и в рамках реализации одной цели – оптимального выполнения элементом как подсистемой своего предназначения в системе более высокого яруса.

Инвариант в реферируемой диссертационной работе трактуется «в широком плане как некоторое свойство языковой единицы, объясняющее её внешне разнородные частные значения (интерпретации) или тем или иным образом "скрепляющее" эти частные значения...» (Н.В. Перцов).

В диссертации признается бесперспективность поиска инвариантов на семантическом уровне, например, поиска общей семы в значениях места, времени, пространства или орудия у творительного падежа; в локативном, темпоральном или делиберативном значениях предложного падежа; в удалительном, достигательном, партитивном или посессивном значениях родительного падежа и т.п. Главным признается вопрос о том, что составляет носителей языка в столь различных ситуациях общения, при передаче столь различных значений использовать одну и ту же падежную форму, и причем именно эту, а не другую.

Описанный выше системный, детерминантный подход к языку, являясь методологической основой настоящей работы, требует от исследователя искать ответ на сформулированный вопрос на уровне (ярусе), более высоком по отношению к конкретному падежу и системе его значений.

Этот уровень (=ярус=система – по отношению к отдельному падежу как подсистеме) и должен определять главное свойство (=инвариантную функцию=внутреннюю детерминанту) отдельного падежа как целостного сложного элемента падежной системы. Именно из этого – функционального, а не семантического – уровня и следует, возвращаясь к определению Н.В. Перцова, искать «свойство языковой единицы, объясняющее её внешние разнородные частные значения (интерпретации) или тем или иным образом "скрепляющее" эти частные значения...». **Разнообразие значений в рамках инвариантной функции и ради её выполнения** – в таком ключе рассматриваются русские падежи в данной диссертационной работе. Именно такой подход предлагается называть **системно-функциональным**.

Далее в Главе 1 мотивируется необходимость активного привлечения материала из истории языка для понимания современного состояния грамматической категории вообще и падежной системы, в частности. На современном этапе развития лингвистики уже недостаточно просто ответить на вопрос "как развивалась система грамматических значений падежа?"; необходимо перейти к поиску ответа на вопрос "почему она развивалась именно так?" Почему одни грамматические значения, издревле присущие тому или иному падежу, сохранились вплоть до наших дней, а другие вышли из употребления?

Ветви современного «семантического древа» определенного падежа крепятся на едином стволе – его инвариантной функции. Любое грамматическое значение живо до тех пор, пока оно сохранило связь с питающим его стволом – инвариантной функцией, пока оно соответствует этой функции. Но, как и дерево, инвариантная функция падежа способна развиваться и видоизменяться в зависимости от развития всей падежной системы, элементом которой отдельный падеж и является. Видоизменяется и вся падежная система, т.е. с развитием системы языка в целом, элементом которой она является в свою очередь, может видоизменяться и "коммуникативная сверхзадача" отдельных элементов – падежной системы в данном случае. При таком подходе становится понятным, что некоторые старые падежные значения могут оказаться несоответствующими видоизменившейся инвариантной функции данного падежа, и наоборот: видоизмененная инвариантная функция может дать возможность для развития новых значений. Таким образом, только поняв историю развития инвариантной функции того или иного падежа, становится возможным ответить на многочисленные "почему?", бывшие в лингвистике столь непопулярными ещё до недавнего времени и во многом определяющие новый этап развития науки о языке.

Далее в работе уточняются некоторые базовые понятия, которые активно используются в исследовании.

Грамматическое значение падежа. Под отдельным грамматическим значением падежа в работе понимается узально закрепленный тип употребления конкретного падежа.

Ситуация. Под ситуацией в работе понимается "денотативная картинка", т.е. то данное в объективной реальности "положение дел", которое подлежит описанию языковыми средствами.

Событие. Под событием понимается тот способ изображения ситуации, к которому обычно прибегают носители русского языка при описании "денотативной картинки"; носители русского языка стремятся изобразить любую, даже самую статичную ситуацию, в виде развивающегося события.

Системно-функциональное поле падежа (СФПП)³. Под системно-функциональным полем падежа понимается совокупность его грамматических значений в рамках инвариантной функции отдельного падежа. Имеется в виду, что инвариантная

³ Термин предложен проф. Е.А. Красиной.

функция падежа реализуется в конкретных типах его употребления, т.е. в грамматических значениях. Одной частью системно-функционального поля, т.е. определенными грамматическими значениями, падеж может противопоставляться другим падежам в рамках основной функции падежной системы (например, противопоставление винительного и предложного падежей по признаку потенциальной/реализованной фиксации события: *Иван едет в Москву.* – *Иван живет в Москве.*); какая-то часть системно-функционального поля может пересекаться с системно-функциональным полем другого падежа и вступать с ним в конкуренцию в рамках некоторых грамматических значений (например, конкуренция винительного и родительного падежей в рамках оформления объекта переходных глаголов с отрицанием: *Иван не читал этой книги* – *Иван не читал эту книгу*); некоторая часть системно-функционального поля падежа может не вступать в оппозицию с другими падежами в рамках основной функции падежной системы, при этом по-прежнему реализуя инвариантную функцию этого падежа (например, именительный темы, называющий имя референта, который не генерирует никакого события в рамках данного высказывания: *Иван... Его нет дома.*)

Далее в Главе I формулируется гипотеза о критериях системно-функционального описания русской падежной системы. Системоорганизующим принимается деление падежей по трем основаниям:

- падежи-генераторы (ИП и ТП) / падежи-локализаторы (ПП, ВП, ДП и, частично, РП);
- падежи реальные (ИП, ПП, РП) / потенциальные (ТП, ВП, ДП) и
- (внутри падежей-локализаторов) падежи, указывающие на место фиксации (т.е. на непосредственный контакт с субстанцией) или на зону фиксации (т.е. на соположение с субстанцией при неважности непосредственного контакта).

Различие между падежами-генераторами и падежами-локализаторами проходит по линии причастности/непричастности к генерированию события: с помощью ИП и ТП говорящий (пишущий) маркирует имена тех участников, которые, по его мнению, являются непосредственными инициаторами, генераторами описываемого события; с помощью же всех остальных падежей маркируются имена тех участников, которые участвуют в событии пассивно, хотя и будучи в разной степени причастны к его развитию (но не генерированию!).

Второе различие, проходящее по линии реальности/потенциальности, менее очевидно. Для общения практически на любом языке чрезвычайно важным является указание либо на реальность того или иного события, факта, действия и т.п., либо лишь на возможность, вероятность его осуществления, существования. В русском языке для выражения этого различия существует широкий спектр средств субъективной и объективной модальности, который пронизывает все уровни языка. В работе показано, что противопоставление реального и потенциального (т.е. возможного при определенных условиях) не только коснулось, но во многом и определило развитие падежной системы русского языка.

По поводу деления падежей-локализаторов по критерию важности/неважности контакта в смысле указания на место или на зону фиксации отмечается, что такой подход к дифференциации падежей был впервые намечен ещё Л. Ельмслевом. Строя свою универсальную систему «падежных координат» («сублогическую систему»), датский учёный постоянно использовал критерий дифференциации падежей по признаку «в контакте-без контакта». Этот признак является системообразующим и для русской падежной системы.

В заключение Главы I отмечается, что в ходе исследования отдельных падежей выявляется их исходная инвариантная функция и показывается её путь развития в актуальную; при этом в отношении временной отнесенности исходных инвариантных функций имеется в виду то состояние языка, в котором оно доступно для исследования по

первым памятникам славянской письменности. Это значит, что исходность выявляемых функций является относительной – относящейся к языковому срезу XI-XII вв. Вопрос о том, были ли эти функции присущи падежам, к примеру, праславянского, праиндоевропейского и других пра-пра-периодов, выходит за рамки настоящего исследования.

Глава 2 «Именительный падеж» посвящена системно-функциональному описанию именительного падежа (далее – ИП). В данной главе доказываем, что инвариантной функцией именительного падежа является **маркирование имени генератора потенциального события**.

В русистике можно отметить два прямо противоположных подхода к описанию семантики ИП: подавляющее большинство лингвистов считает ИП простым, "голым" названием предмета (А.М. Пешковский), беспризнаковым, лишенным грамматического значения падежом (С. Карцевский), лишенной признака формой (Р. Якобсон), оформляющим центральный актант пропозиции без каких-либо нюансов его семантической роли (А.М. Лаврентьев).

Г.А. Золтова и вслед за ней Е.В. Клубуков, напротив, находят в ИП «целый ряд позиционно чередующихся значений диктального и модального типов» (Е.В. Клубуков). Несмотря на то, что авторы данной концепции называют найденные ими значения ИП денотативными, т.е., по-видимому, отражающими объективный статус референта имени в денотативной ситуации, они описывают семантику ИП в категориях логики и семантики: значение субъекта (*Рабочие строят дом*), объекта (*Дом строится рабочими*; *У меня есть дом*), объекта-инструмента (*Пож в руках мастера хорошо режет заготовку*), причинное (*Боль мучает его*) и т.п. – все эти логические и семантические характеристики отражают не собственно свойства денотатов, а толкование исследователем их ролей в денотативной ситуации, никак не выражающееся при падежном оформлении актантов.

В связи с этим формулируется один из основополагающих для данной работы вопросов о релевантности логических (денотативных, семантических, глубинных и пр.) ролей референтов имен при языковом оформлении высказывания: если, например, существительное в ИП одинаково успешно и без каких-либо формальных изменений может обозначать и логический субъект, и логический объект, и входить в состав предиката; может указывать и на инструмент, и на причину, то можно ли считать, что при выборе именно этой формы слова при именовании данного участника ситуации говорящий хоть в какой-то степени руководствуется его логической или семантической ролью в этой ситуации? И наоборот: если логический субъект может быть выражен в русском языке и именительным, и дательным, и винительным падежами, то существенен ли для языка как знаковой системы логический статус данного участника ситуации? Другими словами, где то общее во всех грамматических значениях ИП, что позволяет употреблять эту форму во всех названных случаях?

Проводится анализ всех известных типов употреблений (грамматических значений) ИП с целью выявления в них инвариантной функции: ИП представления и ИП темы, ИП в памяти и в словаре, ИП в односоставных номинативных и в двусоставных предложениях, ИП в биноминативных предложениях.

Вначале анализируются конструкции с так называемым именительным представлением типа *Москва!*. *Как много в этом звуке Для сердца русского слилось!* И именительным темы типа *Муж! его нет дома*, в которых существительное в ИП используется «для обозначения предмета мысли, вспоминаемого, того, о чем пойдет речь, на чем сосредоточивается внимание» (Грамматика-80).

Существительное в ИП в конструкциях с именительным представлением и именительным темы произносится с интонацией незавершенности и не сопровождается предикативной характеристикой. При таком употреблении адресант с помощью ИП

указывает адресату, что далее должна последовать информация, связанная с их обоюдным узואльно закрепленным представлением о названном референте. А понятие об этом представлении отражается не в чем ином, как в лексических значениях этого слова.

Таким образом, назвав существительное в ИП "в чистом виде", говорящий указывает слушающему, что далее предполагается такое событие, **источником** которого будет изображен референт данного имени в соответствии с одним из значений соответствующего слова, т.е. событие, которое будет **генерировано** в связи с лексическим значением этого слова и в его рамках.

Таким образом, функцией именительного падежа при маркировании существительного, употребленного в качестве именительного представления/темы, является указание на генератор того события, которое потенциально может последовать, или, другими словами, на **генератор потенциального события**. При этом под генератором мы будем понимать того участника ситуации (= тот партиципant), который с помощью языковых средств **из о б р а ж а е т с я** говорящим как источник события.

При таком взгляде на ИП становится понятным, почему существительные хранятся **в памяти и в словаре** именно в этой форме: эта и только эта форма имени может указывать на то, что референт ещё не включен говорящим ни в какое событие, т.е. потенциально готов генерировать его/их в рамках одного из значений соответствующего слова. И наоборот: поскольку референт имени в косвенном падеже в обязательном порядке включен в какое-то событие, значит, называющее его слово употреблено в каком-то одном конкретном своем значении, а следовательно, никак не может указывать на весь круг лексических значений этого слова. И лишь та форма слова, которая указывает на существительное как на генератор потенциальных событий в рамках совокупности его лексических значений, может быть записана в качестве исходной в словарь, предполагающий описание всего круга его значений.

Та же функция ИП – указание на генератор потенциального события – осуществляется и в структуре односоставных номинативных предложений.

Анализ употребления ИП в роли подлежащего в двусоставных предложениях показывает, что, независимо от субъектной (*Строители возводят дом*) или объектной (*Дом возводится строителями*) логической квалификации подлежащего, коммуникативно значимые свойства референта никак не изменяются: с помощью ИП говорящий по-прежнему указывает на тот партиципant, который он хочет изобразить в качестве генератора события.

Таким образом, используя ИП для оформления подлежащего в двусоставном предложении, говорящий лишь указывает на готовность референта имени генерировать события, отраженные в лексических значениях данного слова; реализованность этой готовности связана с контекстным окружением – наличием сказуемого в данном предложении.

Анализ употребления ИП в роли сказуемого в двусоставных предложениях позволяет заключить, что биноминативные связочные предложения типа *Лингвистика – это наука о языке. Мой сын – строитель* представляют собой высказывания, в которых референты имен, маркированных ИП, не генерируют никакого события: в этих предложениях полностью отсутствует событийность. Причина появления в языке такого типа предложений заключается в коммуникативных законах построения текста: говорящий на русском языке "не имеет права" построить первое предложение текста в виде развивающегося события, если он не уверен, что в фонде знаний адресата есть достаточная информация о партиципante, который говорящий хочет изобразить в качестве генератора события.

Именно с целью преодоления указанного препятствия на пути информационного построения письменных текстов и сложилась в русском языке конструкция с двумя

существительными в ИП – в роли подлежащего и в роли сказуемого. Поставив слово *лингвистика* в ИП, адресант средствами грамматики настраивает адресата на ожидание события, которое может быть генерировано. Однако в нашем случае положение дел таково, что говорящий не уверен в том, что адресату известно то самое лексическое значение слова, в рамках которого и планируется генерирование последующего события. Учитывая это, адресант, во-первых, использует узуально закреплённые знаки того, что события далее не следует (в устной форме – интонационно, в письменной – тире), а во-вторых, линейно сопоставляет оба существительных в ИП, т.е. в падежной форме, указывающей на потенциальную готовность генерировать событие в рамках лексического значения (в том числе, и при отсутствии самого события!).

Эти два соположенных существительных формально ничем не отличаются. Их главное отличие – информационное: автор полагает, что второе из них, обычно с более общим значением, известно реципиенту, в отличие от первого, имеющего более конкретное значение. Две одинаковые формы именительного падежа говорят о том, что, с точки зрения говорящего, референт первого, неизвестного реципиенту существительного в ИП, способен генерировать тот же круг событий, что и референт второго, уже известного ему, только с определенной спецификой, о которой сообщается далее в том же предложении.

Другими словами, два ИП в биноминативных предложениях грамматически приравнивают (отождествляют) референты соответствующих существительных по способности генерировать события.

При этом речь идет именно о грамматическом, а не о логическом отождествлении. При таком подходе становится понятным, почему различные с логической точки зрения конструкции оформляются одинаковыми языковыми средствами: как только перед автором высказывания встает вопрос «с чего начать?», т.е. вопрос введения в текст максимально надёжной информационной опоры для дальнейшего изложения, он прибегает к специализированному языковому средству – с помощью несобытийного биноминативного предложения он приравнивает имя впервые вводимого в текст референта (или вводимого в новом качестве, т.е. всё равно впервые для дальнейшего изложения) к другому – известному, по мнению автора, собеседнику.

Дальнейший анализ показывает, что разнородные в логическом отношении биноминативные связочные предложения выполняют в языке единую функцию: они обеспечивают говорящему возможность использования имени неизвестного референта в качестве генератора последующих событий в данном (кон)тексте. Будучи использованным в двуименных связочных предложениях – как в роли подлежащего, так и в роли сказуемого, – ИП продолжает выполнять свою инвариантную функцию – указывать на готовность референта генерировать событие.

В заключение Главы 2 подчеркивается, что ИП оказывается включенным в системно-функциональные противопоставления с другими падежами не всем своим функциональным полем, а лишь центральной его частью – в качестве указателя на реального генератора события. Именно при включении имени в ИП в описание события, т.е. при реализации соответствующим референтом его потенциальной готовности генерировать событие, на синтагматическом уровне возникает противопоставление ИП всем другим падежам: имя референта оказывается включенным в описание ситуации, где и противопоставляется другим падежам как "знак автора первоотчетчика события" (Г.П. Мельников). Именно этим своим грамматическим значением, реализующимся в рамках его инвариантной функции, ИП входит в функциональную систему русских падежей, предназначенную для указания на роли участников в описываемом событии.

В Главе 3 «Творительный падеж» доказывается, что актуальной инвариантной функцией творительного падежа (далее – ТП) является **маркирование имени вторичного**

(потенциального) генератора события. С системно-функциональных позиций рассматривается весь спектр грамматических значений ТП, которые подразделяются на две большие группы – актантные и сирконстантные.

Понимание ТП в реферируемом исследовании восходит к точке зрения А.А. Шахматова, который считал, что "дополнение в творительном падеже вообще за немногими исключениями означает не зависимое от глагола представление, не объект, испытывающий на себе действие, влияние глагольного признака, а напротив, представление, способствующее развитию этого признака, видоизменяющее или определяющее его проявление; в этом существенное отличие творит. падежа от родит., винит., и дательного".

Анализ ТП инструментального проводится на примере следующего предложения:
Иван пишет карандашом друга письмо сестре в комнате у камина.

Карандаш как участника базового события *Иван пишет* принципиально отличает от остальных партиципантов, имена которых представлены в этом предложении в формах других косвенных падежей, причастность к генерированию события, о чем, собственно, и писал А.А. Шахматов в приведенной выше цитате. Действительно, когда *Иван пишет письмо*, само *письмо*, участвуя в развитии этого события как объект внесения глагольного признака, не влияет на его генерирование, а лишь сужает сферу распространения базового события, т.е. локализует его с помощью указания на объект. Ту же локализирующую функцию выполняет и адресат события, имя которого маркировано дательным падежом; падежная форма указывает, в какой роли хочет представить нам этот актант говорящий, сужая с его помощью сферу распространения события, локализуя его вплоть до *сестры*. В этом же смысле локализует событие указание на место (*в комнате*) и зону его фиксации (*у камина*).

Инструмент, в свою очередь, тоже локализует, сужает сферу распространения события (и это функционально сближает ТП с другими косвенными падежами), но при этом он непосредственно участвует в его генерировании, «способствует развитию» (по Шахматову) глагольного признака. Иначе говоря, не будь *карандаша* как инструмента – не могло бы быть осуществлено и само действие в том виде, в каком оно описывается говорящим. Причастность данного партиципанта к развитию события, его "активность" настолько высока, что при чуть изменившейся ситуации он легко может быть изображен как источник того же действия, как вносить того же глагольного признака («с оттенком некоторой метафоричности», по словам Р.О.Якобсона): *Карандаш хорошо пишет*. Иначе говоря, партиципant, имя которого оформлено ТП при описании данной ситуации, на данный момент – ещё не генератор, но он потенциально может быть изображен в таком качестве в любую минуту; пока же он на вторых ролях, он исполнитель "воли" генератора, он как бы **вторичный генератор**, потенциально всегда готовый заменить главный и занять его место.

Анализируя все семантические подгруппы древнего ТП инструментального, выявляем исходную инвариантную функцию ТП, которую называем "функцией **поссибилизатора** события" (по аналогии с термином Р. Мразека "овозможнитель"). Доказывается, что те грамматические значения, в которых ТП указывал собственно на поссибилизатор события, постепенно вышли из употребления или резко сузили свою лексическую базу, в значительной степени адвербиализовавшись; если же ТП мог быть переосмыслен из поссибилизатора во вторичного генератора события, то он оставался употребительным и даже расширял свою лексическую базу. Так, например, сохранившийся лишь в узком круге устойчивых выражений творительный цены (*любой ценой, какой ценой, ценой собственной жизни*) употреблялся в древнерусском языке значительно шире, практически не имея лексических ограничений и являясь одним из грамматических значений ТП: *начнет хотѣти ижеуменства или мздоу или насильемъ*;

наняша своих охочих людей **войсковою казною** и т.п. Лексикализация, свидетельствующая о выходе из употребления творительного цсны как грамматического подзначения творительного инструментального, легко объясняется с системно-функциональных позиций: цсна как «косвенное средство» (поссибилизатор) осуществления действия не могла восприниматься как вторичный генератор того же события, как потенциальный вноситель того же глагольного признака (*войсковая казна* не могла нанять *охочих людей*; *мзда* не могла начать *хотРти игуменства*), что противоречило «генеральной линии» развития ТП – от указания на поссибилизатор к указанию на вторичный генератор события – и вело к постепенному выходу данного значения из употребления.

Рассматривая так называемый ТП агентивный (*Дом строится рабочими*), ещё раз доказываем, что логическая (субъект/объект) или семантическая (агенса/пациенса) роль актанта безразлична для говорящего на русском языке при выборе им падежного оформления имени референта. В частности, оспаривается широко распространенное мнение о синонимичности конструкций активного и страдательного залогов и о том, что агентивное (субъектное) дополнение в форме ТП имеет значение действующего субъекта. С учетом того, что имя в ТП в страдательных конструкциях «более принимается за орудие действия, нежели за самостоятельного действующего» (Ф.И. Буслаев) и что исторически подобный ТП «весьма близок к творительному орудия и легко может быть выведен прямо из него» (К.И. Ходова), в диссертации показывается, что любое имя в ТП в конструкции страдательного залога указывает на поссибилизатор события: *В этом автомобиле двери закрываются руками/нажатием на кнопку*, или: *Дом построен топором и рубанком/руками мастеров*. Если же «инструментом» осуществления описываемого действия является лицо (лицо-посредник), то и оно ставится говорящим в ТП, поскольку интересует его при данном ракурсе описания ситуации (т.е. в рамках рассказа о *дверях* или о *доме*, соответственно) лишь как способ, средство осуществления действия: *Двери закрываются водителем*; *Дом построен рабочими Главмостстроя*. При этом особо подчеркивается, что те способы осуществления действия, поссибилизаторы, которые могли быть восприняты как вторичные генераторы события (*Рука/нажатие кнопки/водитель закрывает дверь*; *Рабочие построили дом*), сохранились в рамках данных конструкций с ТП, а те, степень причастности которых к развитию события оказывалась недостаточной, чтобы быть воспринятыми как вторичные генераторы этого или сходного события, постепенно выходили из употребления: если в древнерусском и старославянском широко встречаются предложения типа *црковь же велику каменiemъ възградити*, то в современном русском языке возможно лишь *из камня (из кирпича)*, поскольку поссибилизатор в таком сообщении "не дотягивает" по активности до вторичного генератора и не может быть изображен как генератор сходного события: **Камень (кирпич) построил дом*. По тем же причинам резко сузилась лексическая база собственно инструментального употребления ТП в подобных конструкциях: если устойчивое сочетание *Дом построен топором и рубанком* ещё возможно в языке, то, скажем, **Дом построен пилой/подъёмным краном* невозможно в силу недостаточной активности референтов данных слов и невозможности трансформации **Пила/подъёмный кран построили дом*.

Со всей очевидностью обнаруживают проявление инвариантной функции ТП – указывать на вторичный генератор события – и конструкции с ТП социативным (*Каждое лето она уезжает с отцом на море - Каждое лето отец уезжает с ней на море*).

При переходе к анализу творительного предикативного в исследовании отмечается, что, по мере системно-функциональной эволюции ТП, все более укреплялось представление об этом падеже как о падеже, маркирующем актанта, максимально причастный к генерированию события и этим функционально сближающийся с ИП.

Такое функциональное сближение ИП и ТП привело к развитию еще одной функции ТП, тесно связанной с основной, но не тождественной ей. Эту функцию можно было бы назвать функцией грамматического приравнивания. Наиболее ярко она проявилась в конструкциях с творительным предикативным при знаменательных и полужнаменательных связках типа *стать, становиться, являться, считаться, делаться, слыть кем-л./чем-л., назначить (директором), приехать (инженером), вернуться (победителем)* и т.п.

При появлении в квалификативной конструкции полужнаменательной связки: *Лингвистика является наукой о ...* – образуется предложение, полностью синонимичное биноминативному (*Лингвистика – это наука...*), в котором ТП оказывается полным функциональным и семантическим эквивалентом именительного, а именно: указывает, что и определяемое, и определяющее равны в своей способности генерировать события – *лингвистика* может генерировать те же события, участвовать в тех же событиях, что и *наука*.

Ту же ситуацию мы можем наблюдать и при знаменательных связках в конструкциях типа *Мой отец стал (работает, вернулся) врачом*: ТП существительного в составе сказуемого указывает, что далее (в последующем тексте) речь пойдет об *отце* в качестве *врача*, т.е. на то, что он будет проявлять те же признаки, что и *врач*, а в системно-функциональных терминах, будет способен генерировать те же события, что и *врач* (что вытекает из его грамматического приравнивания с помощью ТП к ИП).

Таким образом, общий исторический путь семантического развития предикативного творительного: от указания на POSSIBILITY события к указанию на вторичный генератор события – явился «генеральной линией» развития этого падежа как элемента падежной системы.

Далее в Главе 3 рассматриваются трехкомпонентные безличные предложения с творительным падежом типа *лодку унесло ветром; человека убило громом; командира ранило пулей* и т.п. Подытоживая старый лингвистический спор о субъектной или орудейной природе компонента в ТП данных конструкций, мы доказываем, что когда 1) истинный субъект действия неизвестен или несущественен; 2) событие изображено как бессубъектное (личный глагол в безличной форме), но 3) при этом известен и подлежит упоминанию POSSIBILITY действия, тогда у говорящего не остается другого выхода, кроме постановки этого компонента высказывания в ТП: в этом случае ТП указывает слушающему на вторичный генератор этого события, т.е. не являющийся главным при данном ракурсе описания события (точнее, преподнесенный как неглавный), но готовый стать (быть изображенным) таковым в любую минуту (т.е. занять позицию подлежащего, став – пусть и с некоторым метафорическим оттенком – генератором этого же события). Важно при этом, что форма ТП указывает именно на эту функцию данного участника события, ничего не говоря о том, является ли соответствующий референт логическим субъектом или орудием в данном событии.

Далее в работе подробно анализируются прочие употребления агентивного ТП в таких конструкциях, как безобъектный безличный оборот типа *пахнет сеном*, творительный каузатора состояние после глаголов *интересоваться, соблазняться, наслаждаться, восторгаться* и т.п., творительный "объекта" *бросить камнем* и некот. др., и показывается, что во всех перечисленных случаях маркирование существительного творительным падежом указывает на соответствующий референт как на вторичный генератор события, т.е. во всех этих грамматических значениях проявляется инвариантная функция ТП, сформулированная в начале главы.

Несколько следующих разделов посвящены подробному анализу сирконстантных значений ТП.

При рассмотрении семантики творительного места (*идти лесом, плыть морем*) в работе, вслед за Р. Мразком, указывается, что древнерусский ТП места обозначал "средства достижения определенной цели", т.е., по сути, POSSIBILIZATOR события: *убежать окном; оконцем маломъ бесРдоваше; не бо его видР двѣрьми излРзѣша ни паки двѣрьми влРзѣша*. Понятно, что по мере трансформации инвариантной функции ТП от функции POSSIBILIZATOR к функции вторичного генератора подобные конструкции постепенно вышли из употребления, сохранившись в адбериализованном виде на весьма узкой лексической базе.

Далее в работе проводится анализ творительного времени, который в современном русском языке представляет собой весьма ограниченную лексически, хотя и частотную группу слов, образованных от названий времен года и времени суток: *утром, днем, вечером, ночью; зимой, весной, летом, осенью*. Вслед за Л.С. Малаховской и Р. Мразком, отмечаем, что материал старославянского языка «представляет примеры почти исключительно с творительным в значении "ночью"..., например: *Sumъ ли кѣто ходитъ ношѣмъ нощькнВѣ сѣ; ... носить qтѣй отъ Вфрата рРкѣ ношѣмъ водд; погрВбошѣт ношѣмъ стуВ Вго тРло*. Приведенные примеры показывают, что осуществление описываемых событий делается возможным именно благодаря *ночи*, причем не столько как определенному временному периоду, сколько благодаря ее главному отличительному признаку – темноте, скрывающей действие субъекта. *Ночь* интересует говорящего не как время, а как обстоятельство, делающее возможным осуществление действия, т.е. как его POSSIBILIZATOR. В этом смысле другое время суток вряд ли могло выступать в таком значении просто в силу «денотативной немаркированности», а если и возникала необходимость указать на другое время суток как имеющее отношение к развитию события, то язык поначалу даже предпочитал непарадигматическую форму *дньмъ* (*дньмъ же о'рѣлоу то ждВ съконъ'чавафшѣу*), "похожую" на *ношѣмъ*, за которой узואльно закрепилась функция POSSIBILIZATOR, парадигматической форме *дньмъ*.

В отношении современного творительного времени в диссертации делается вывод, что, возникнув как чисто лексическое значение у существительного *ночь*, которое в силу яркой «денотативной маркированности» стало с помощью ТП указывать на время суток как обстоятельство-POSSIBILIZATOR события, данное значение «перекинулось» по законам грамматической и семантической аналогии на существительные со значением других частей суток и времен года (вначале наиболее «денотативно маркированные», а потом на все) и заняло свое прочное место в системе языка: указание на время при наличии причинной связи между действием и временем. Такое развитие творительного времени стало возможным к концу XVII века в условиях окончательного становления актуальной инвариантной функции ТП, соответствие/несоответствие которой стало решающим фактором при определении дальнейшей судьбы различных грамматических значений этого падежа. Творительный времени оказался в данном случае достаточно активным участником события («инструмент», средство к достижению цели», по А. Вежбицкой), чтобы получить право на существование и даже упрочить свое положение в языке (ср.: «Агѣнс "использует" время, чтобы достичь некоей самостоятельной цели; он не "использует" действие, чтобы заполнить данное время. Время для него - "инструмент", средство к достижению цели: *Ночью Маша тайно встрѣтилась с Иваном; Теплым весенним утром девочки пошли купаться* (А. Вежбицкая)).

В конце раздела, посвященного анализу ТП места и ТП времени, отмечается, что оба этих творительных в праславянскую эпоху относились к исконно недифференцированной просекутивной (пространственно-временной) семантической области. В этом смысле и *оконцемъ маломъ бесРдоваше* (пересекаемое пространство), и *везе рвомъ в баню отца своего* (непересекаемое пространство), и *идыи трѣми недРлями* (полный охват времени действием), и *посла отрока того ночью в город* (неполный охват времени действием) –

все это есть не что иное, как указание с помощью творительного падежа на обстоятельство-поссибилизатор события.

По мере постепенной трансформации инвариантной функции ТП – от указания на поссибилизатор события к указанию на вторичный генератор события – и тем самым с возрастанием причастности актанта, имя которого маркировалось ТП, к развитию события, претерпели изменения и сирконстантные употребления данного падежа. Те конструкции с ТП места и времени, где значение ТП соответствовали постепенно формирующейся актуальной инвариантной функции этого падежа, сохранились в языке, а те, которые оказались не достаточно "активными" (календарные даты – в силу своего лексического значения), постепенно вышли из употребления.

С системно-функциональных позиций удалось объяснить и бурный расцвет ТП, определяющего «род количественного данного» (*окружность диаметром 40 сантиметров*). ТП здесь возник как средство оформления генератора события, потребность в котором (средстве) возникла после компрессии⁴ двух предложений с ИП (*Учитель чертит окружность. Диаметр окружности составляет 40 сантиметров*) в одно (*Учитель начертил окружность диаметром 40 сантиметров*).

Анализ ТП в пространственном значении, употребляющегося в современном русском языке с шестью предлогами: *над, под, перед, за, между*, а также с предлогом *с* в составе сложного предлога *рядом с*, основывается на признании "денотативной равноправности" объектов, соотносимых друг с другом с помощью имен в ТП и предлогов. Если взять два равных по величине объекта (напр., *книжные полки*) и со-расположить их по вертикали (*повесить на стене*), то получившуюся денотативную картинку можно с равным успехом описать и *Полка с книгами Толстого висит над полкой с книгами Достоевского*, и *Полка с книгами Достоевского висит под полкой с книгами Толстого*. Выбор того или иного способа описания ситуации целиком и полностью будет зависеть от коммуникативных интенций говорящего.

Аналогична и ситуация с предлогами *за/перед*: предложения *Роза посажена за флоксами* или *Флоксы посажены перед розой* описывают абсолютно одинаковую денотативную ситуацию в разных ракурсах; генератор события выбирается говорящим, исходя из более широкого контекста – ведёт он рассказ о *розе* или о *флоксах*.

Ту же самую ситуацию мы имеем и в случае с пространственным значением предлога *с*: при описании ситуации с взаимным расположением *флоксов* и *розы* падежная маркировка имен партиципантов будет определяться исключительно темой рассказа – о *розе* (*Роза посажена рядом с флоксами*) или о *флоксах* (*Флоксы посажены рядом с розой*).

После рассмотрения с указанных позиций всех предлогов с пространственным ТП, в исследовании делается вывод о том, что, с точки зрения грамматики, ТП (как и в случае с социативным значением), помогает описать ситуацию с двумя равноправными по способности генерировать события участниками в рамках стандартного событийного коммуникативного ракурса, т.е. представив одного из них как главный генератор со своим событием, а имя второго маркировав таким знаком, который укажет слушающему на его способность генерировать то же или сходное событие. И только в случае, если оба участника ситуации будут одинаково значимы для говорящего при описании данной ситуации, он скажет *Роза и флоксы посажены рядом*.

Глава 4 «Предложный падеж» посвящена доказательству гипотезы о том, что актуальной инвариантной функцией предложного падежа (далее – ПП) является **маркирование имени партиципанта-места реальной фиксации события (при обязательном контакте с этим местом и конкретизации способа контакта с помощью предлогов)**.

⁴ Термин Г.П. Мельникова.

После краткого анализа конструкций *в/на + III* в значении места и времени, в работе отмечается, что их соответствие сформулированной инвариантной функции III достаточно очевидно, т.к. в обоих своих значениях эта конструкция указывает на место фиксации участника в точке пространства/времени. Особо подчеркивается, что речь здесь идёт о реальной (а не о потенциальной, как это будет в случае с некоторыми другими падежами) фиксации при наличии непосредственного контакта с указанным местом/временем. При этом констатируется, что на место реальной фиксации участника при наличии непосредственного контакта указывает сам предложный падеж, а предлоги при этом выполняют функцию конкретизаторов способа контакта. Аналогичный вывод делается и по отношению к предлогу *при*, употребляясь с которым III по-прежнему указывает на место фиксации в пространстве/времени, тогда как предлог – на способ контакта, а именно на "касательность".

В отличие от конструкций *в/на + III*, конструкция *о + III* подверглась наибольшим семантическим изменениям в истории русского языка, поэтому её анализ в работе начинается с экскурса в историю. Речь идет о полной утрате конструкцией *о + III* локативных значений (типа *и стоял об Оке рРке; есмь беды принял о мРсте сем*) при полном сохранении её изъяснительного значения (типа *и о том РамР глаголетъ; почаша мълвити о СужьдальстРи воинР*), хотя и на фоне сужения глагольной лексической базы.

На примере древнего беспредложного локатива, исторически предшествовавшего предложному употреблению этого падежа, показывается, вслед за В.Н. Топоровым, что в древнерусском языке один и тот же падеж мог использоваться для обозначения не только местонахождения (*быс пожаръ великъ КиевР городР; прРставиа Костянтиъ...ЦърниговР*), но и направления (*приблизитиса горР тои; приблизитиса мьнР; есмь ехалъ КиевР*).

В работе предлагается объяснение такого синкретичного выражения места и направления одной падежной формой: форма локатива *КиевР!* в *КиевР* всегда указывает на место; различие в том, что после глагола со значением местонахождения она воспринимается как место фиксации, т.е. зафиксированного в определенном месте участника, а после глагола движения (направления) – как то место, где окажется зафиксированным участник в случае завершения движения. При глаголе местоположения – это реальное место пребывания (фиксации), при глаголе движения – это потенциальное, но опять-таки место пребывания (фиксации). Значение места сохраняется, глагол же уточняет: мы "уже там" либо мы "еще в направлении", мы еще движемся, чтобы оказаться *тоудР (КиевР)*, или мы уже находимся *тоудР (КиевР)* – ни для древнего внесязыкового сознания, ни для древнего языка, соответственно, это не было существенно и могло выражаться одной и той же формой локатива.

Далее в исследовании сопоставляются две древнерусские конструкции с предложно-падежным сочетанием *о + III*, которые, с точки зрения современного языкового сознания, представляются омонимичными: с одной стороны, с местным и близким к нему временным значением: *есмь беды принял о мРсте семъ; се было о РождествР*, а с другой – с изъяснительным: *глаголати о РождествР /о мРсте семъ*. Делается вывод, что функция локатива в древней конструкции *о+локатив* была единой – указание на место фиксации. Однако на том историческом этапе различие по признаку места-направления, т.е. реальности/потенциальности фиксации, было нерелевантно для падежной системы, и поэтому конструкция *о+локатив*, изначально употребляясь после глаголов с «ослабленной изъяснительностью» (*каяться, хвалиться, соблазниться, злеться, постыдиться, насладиться* и т.п.: *каетьсТ о своei винР всеи; радость ... о единомъ грРшницР; аще ли сТ покаемъ о злобахъ своихъ* /по В.Н. Топорову/), могла указывать в рамках своей общей функции на направление эмоций как на место их потенциальной фиксации (*каетьсТ о своei винР всеи* воспринималось как "каять себя в связи со своей виной", *вина* при этом

была направлением покаяния), а в собственно локативных контекстах (*покаявсь о семь мРсте*) – на реальное место фиксации в пространстве/времени. Таким образом, древнюю конструкцию *о + локатив* можно считать единой конструкцией с двумя слабо дифференцированными грамматическими значениями, сосуществовавшими в рамках единой функции данной конструкции.

Важно отметить при этом, что если в собственно просекутивных значениях партиципant, имя которого маркировалось беспредложным или предложным локативом, обозначал место фиксации другого партиципанта, т.е. речь шла о взаиморасположении двух точек в пространстве-времени (*есмь беды принял о мРсте семь – я и это место* как точки в пространстве; *се было о РождествР – это событие* и *Рождество* как точки во времени), то при "эмоциональных", а потом и при изъяснительных глаголах ПП приобрел принципиально новое качество: в предложениях *князь же о томъ пожали; покаявсь о грРсРхъ; глаголати о РождествР* речь идет уже о фиксации глагольного признака в определенной точке пространства-времени, об охвате партиципанта-места действием, т.е. о партиципante как о месте фиксации глагольного признака – *жalousти, покаяния, речи*, соответственно. А это означает не что иное, как трансформацию локативной семантики в объектную. Как будет показано в последующих главах, такой путь развития: от выражения собственно пространственных отношений к выражению отношений объектных – прошли все падежи-локализаторы в русском языке.

После того как «лок. с предлогом *о* утвердился ... при глаголах с "ослабленной изъяснительностью", началась экспансия этого сочетания в условиях собственно "изъяснительных" глаголов» (В.Н. Топоров), уже в рамках объектной семантики ПП. Дальнейшая история этой конструкции хорошо известна: *о+локатив* с чисто местным (*есмь беды принял о мРсте семь*) и временным (*се было о РождествР*) значениями, а также после глаголов с «ослабленной изъяснительностью» (*покаявсь о грРсРхъ*) полностью вышел из употребления приблизительно к концу XVIII в., а конструкции с глаголами собственно изъяснительными (*глаголати о РождествР*) сохранились в языке, значительно упрочив свое положение.

В работе делается предположение о причинах столь различных судеб этих конструкций. Глаголы эмоционального состояния по самой своей сути требуют указания на направленность описываемых ими эмоций. Сначала после них ставилось существительное в аккузативе после предлога *о*; потом локативная конструкция с тем же предлогом постепенно вытеснила аккузативную (пока локатив еще сохранял способность восприниматься как указатель направления: *есмь ехалъ КиевР*). Когда же способность выражать направление действия, т.е. указывать на место потенциальной фиксации, была полностью утрачена локативом, конструкция в целом переосмыслилась в собственно локативную, указывающую на место реальной фиксации события, а не на направленность эмоций. Это позволило на какое-то время сохранить целостность локатива как падежа, указывающего на место реальной фиксации, но вошло в явное противоречие с "эмоциональной семантикой" самих глаголов, подразумевающей указание на "направление эмоций". Постепенно все глаголы указанной группы приобрели распространители в "направительных" падежах: дательном или винительном, если важнее оказывалось указать на направление эмоции (*удивляться чему, благодарить за что*); родительном или творительном, если важнее было указать на ее причину (источник) (*постыдиться чего, грустить, печалиться от чего, из-за чего; хвалиться чем, соблазниться чем, насладиться чем*), а иногда получали возможность указывать на оба значения (*ужасаться чему /чего, радоваться чему/ от чего*). Логично, что сохранить управление локативом с предлогом *о* могли только наиболее "неэмоциональные" глаголы этой группы, а именно глаголы собственно изъяснительные (*говорить, рассказывать, задумываться* и т.п.).

Таким образом, общая направленность развития изъяснительных конструкций о+локатив может быть очерчена следующим образом: чем чётче дифференцировались падежи по линии реальности/потенциальности, чем отчетливее становилась актуальная инвариантная функция ПП, в рамках которой древний локатив окончательно утратил способность указывать на направление, тем лексически уже становилась группа изъяснительных глаголов, сохранявших при себе *о-локатив*, тем активнее исключались из неё глаголы, семантически требующие указания на направленность, т.е. на место потенциальной фиксации эмоционального состояния.

При этом конструкция *о+локатив* при «чисто изъяснительных» глаголах смогла сохраниться в языке, а состав глаголов внутри неё даже значительно расширился, поскольку в целом она не противоречила инвариантной функции ПП: постепенно формировавшееся пространственное значение приставки *о* как указателя на "полный, круговой охват предмета действием" полностью соответствовало семантике предлога *о* в изъяснительных конструкциях, т.к. *говорить, рассказывать, думать о каком-либо предмете* и означало "охватывать предмет рассказом/мыслью целиком, со всех сторон", что вполне согласовывалось как с семантикой *о* вообще, так и с инвариантной функцией локатива – предмет говорения/мысли, имя которого маркировалось ПП, оказывался местом фиксации события (*говорения, рассказывания, думания*), а предлог *о* указывал на способ контакта – не точечный, а всеохватывающий, как бы по кругу: *говорить/ рассказывать/ думать о книге* значит "охватывать ее говорением/ рассказом/ мыслью".

Итак, исходной инвариантной функцией локатива периода первых памятников славянской письменности являлось **маркирование имени партиципанта-места реальной или потенциальной фиксации события (при неважности наличия контакта с указанным местом).**

Актуальная инвариантная функция ПП состоит в маркировании имени партиципанта-места реальной фиксации события (при обязательном контакте с этим местом); при этом функция указания на место потенциальной фиксации отошла к винительному падежу, а функция указания на место реальной фиксации события при отсутствии обязательного контакта (т.е. в зоне определенной субстанции) – к сочетанию *у+РП*, как это будет показано в соответствующих главах.

Глава 5 «Винительный падеж» посвящена выявлению инвариантной функции винительного падежа (далее – ВП) в русском языке, под которой понимается **маркирование имени партиципанта-места потенциальной фиксации результата действия.**

Все грамматические значения ВП делятся на две группы: 1) прямообъектное, которое является основным значением современного ВП (*Иван читает книгу*); 2) множество обстоятельственных значений, являющихся первичными исторически, но периферийными для современного русского языка (ВП локативно-финальный: *Иван едет в Москву*; ВП временного этапа: *Иван едет в Москву пятью сутки*; ВП временной продолжительности: *Иван ехал в Москву всю ночь*; ВП пространственно-временной: *Иван ехал до Москвы 300 км* и некот. др.).

Сопоставление предложений со сказуемым в форме глагола НСВ наст. вр. (*Иван едет в Москву*) и СВ прош. вр. (*Иван приехал в Москву*) приводит к выводу, что, независимо от завершенности/незавершенности действия, ВП в обоих предложениях указывает на партиципанта-место лишь как на направление, как на место-цель движения партиципанта-генератора события. О достижении цели и вступлении в контакт обоих партиципантов свидетельствует только форма глагола, поскольку других "доказательств" этому в предложении нет (падежные формы имен партиципантов остались без изменений). Следовательно, наличие/отсутствие контакта, возникающего между партиципантами в результате совершения события, не является релевантным для

семантики винительного падежа в конструкции *в+ВП*, т.к. никак не выражается при изменении характера события по этому параметру.

При этом указание на направление движения означает указание на тот партиципant, который, в случае успешного завершения движения, станет партиципантом-местом. С одной стороны, если мы говорим: *Иван едет в Москву*, это значит, что мы указываем на *Москву* как на направление его движения, т.е. как на партиципant, на который (в который) направлено движение партиципанта-генератора; с другой стороны, *Москва* – это то место, где окажется *Иван* в случае успешного завершения действия, т.е. тот же самый партиципant-место, только в другой функции. Другими словами, маркируя имя какого-либо партиципанта ВП с предлогом *в*, говорящий всегда (как при незавершенном, так и при завершенном действии) указывает на тот партиципant, который потенциально может стать местом фиксации другого партиципанта. Другими словами, направление – это и есть место, только потенциальное. Коротко говоря, **направление** – это потенциальное место фиксации партиципанта, или, точнее, **место потенциальной фиксации партиципанта**. В этом смысле форма ПП в предложении *Иван живет/ находится/ оказался в Москве* указывает, что есть (был) и контакт, и фиксация.

После экскурса в историю развития обстоятельственных значений ВП в работе делается вывод о том, что древний ВП был способом маркирования имени наиболее значимого (после генератора) в развитии события партиципанта, причем партиципантом этим могло быть и место-направление, и пространство, и время. Эта коммуникативная функция аккузатива ещё не была дифференцирована по признакам объектности/обстоятельности, инклюзивности/эксклюзивности, направленности/ненаправленности и, видимо, являлась отголоском того винительного независимого, который в глубокой древности играл роль общего косвенного падежа. Именно она стала тем системно-функциональным "центром кристаллизации"⁵, вокруг которого в благоприятной среде номинативного строя вырос полноценный и гармоничный кристалл – винительный падеж прямого объекта. Эта функция называется в исследовании **функцией фокусировки** и принимается за и с х о д н у ю инвариантную функцию ВП.

Анализ прямообъектного значения ВП потребовал ответа на следующие вопросы: почему и в каком смысле именно переход ВП в ИП при мене залога является доказательством прямообъектности актанта, а также почему признаком переходности глагола является именно способность к образованию страдательной формы?

Иван читает книгу – говорящий, маркируя имя одного из участников ситуации именительным падежом, указывает слушающему на генератор события (*Иван*); с помощью глагола настоящего времени – на то, что речь идет о процессе внесения глагольного признака (*Иван читает*). При этом узואльно закрепленная переходность глагола *читать* позволяет слушающему прогнозировать, что далее может последовать объект, в который названный глагольный признак сможет быть внесен (сможет перейти) полностью. Ожидания слушающего подтверждаются формой ВП (*Иван читает книгу*), с помощью которой говорящий маркирует имя того участника ситуации (*книга*), который в случае успешного завершения процесса внесения глагольного признака (=завершения действия) станет носителем этого признака, приобретя при этом новое качество "прочитанности".

Иван прочитал книгу – говорящий, маркируя имя одного из участников ситуации именительным падежом, по-прежнему указывает слушающему на генератор события (*Иван*); с помощью глагола прошедшего времени совершенного вида – на то, что действие завершено (*Иван прочитал*). Но из этого предложения мы ничего не можем узнать о качественном изменении объекта, т.к. сделать это в рамках данной конструкции (которая служит для описания действия Ивана и его завершенности/незавершенности) невозможно.

⁵ Имеется в виду историческая «кристаллизация прямообъектной функции» ВП в понимании В.Б. Крысько.

Другими словами, путем маркировки имени винительным падежом говорящий опять указывает на соответствующий партиципий как на потенциальное место фиксации результата данного действия.

Если же для говорящего при описании той же денотативной ситуации коммуникативно значимым будет не завершенность/незавершенность действия *Ивана*, а качественное изменение объекта, то говорящему придется прибегнуть к не очень удобной, с точки зрения номинативного русского языка, конструкции: говорящий "изобразит" партиципий, являющийся в реальности объектом (воз)действия, в качестве главного участника (генератора) события, маркировав его имя ИП (*книга*); глагольный же признак он изобразит уже как новое качество партиципий (*Книга прочитана*) и в любой момент сможет указать на истинного генератора события, введя его в сообщение в ТП – падеже вторичного генератора события (*Книга прочитана Иваном*).

Полученная таким образом конструкция страдательного залога и оказывается тем способом, с помощью которого в русском языке можно описать полный переход глагольного признака в прямой объект. Теперь *книга* может генерировать последующие события или участвовать в них уже в этом новом качестве – как *прочитанная книга*⁶. Другими словами, *книга* как партиципий последующих событий приобретает новое коммуникативно значимое качество.

Итогом приведенного рассуждения становится формулировка понятий переходности и прямого объекта: **переходность** – это свойство глагола указывать на то, что за ним в предсказуемой форме последует имя партиципий, коммуникативно значимые свойства которого могут оказаться качественно измененными в случае успешного завершения действия. Другими словами, переходный глагол указывает на возможность перехода партиципий, имя которого маркировано ВП, в новое коммуникативно значимое качество.

В этом смысле **прямой объект** – это партиципий, имя которого маркируется говорящим с помощью ВП с целью указать на возможность изменения его коммуникативно значимого качества. Ни один другой партиципий не меняет своего коммуникативно значимого качества в результате совершения действия. Именно здесь проходит водораздел между прямым объектом и косвенным объектом, именно в этом их качественное различие.

Таким образом, страдательный залог развивается в русском языке параллельно с категориями переходности и прямообъектности как способ указания на место реализованной фиксации результата действия при наличии конструкции для указания на место потенциальной фиксации результата действия. Конструкция страдательного залога позволяет сохранить симметрию, "привычную" для ВП как падежа со свойством потенциальности: если потенциальность ВП при его восходящем к древности употреблении с глаголами движения "компенсировалась" предложным падежом, то в данном случае эту функцию взял на себя страдательный залог.

Анализ вышедшего из употребления ВП пространственного объекта со значением «пространство, преодолеваемое в процессе движения» (*ВРчьного цвствия... шьствоуя пространство; Моря чьрьмоу поучиноу. немокрыми стопами. древьнии шьствоуавь Изль; шьствоуавь же съ еп(с)ны и съ народомь вся млтвнная мРста*) позволил выявить ещё одно системно-функциональное свойство этого падежа. Причиной утраты этого грамматического значения явилось отсутствие указания на направленность действия п р я м о на объект (в/на его границы), что позволяет говорить о зарождении и развитии

⁶ Речь идет о логике языка, а не о научной логике и, тем более, не о внеязыковой реальности, т.к. сама по себе *книга* (как денотат) или *книга* как логический объект не приобретают нового качества, в рамках логики языка *книга* приобретает новое качество потому, что ей теперь может быть дана новая качественная характеристика с помощью слова, специально предназначенного для качественной характеристики предмета – с помощью причастия.

нового свойства беспредложного аккумулятива – указывать на направленность действия (прямо) на/в объект, или свойства **потенциальной инклюзивности**.

Выявленное свойство потенциальной инклюзивности определяется четырьмя системно-функциональными признаками, формирующими семантику и определяющими употребление современного ВП:

- (1) признак *направленности* действия⁷;
- (2) признак *прямой* направленности в/на субстанцию (если ожидается инклюзивность, значит действие направлено прямо на/в субстанцию);
- (3) признак *потенциальности* (т.к. направление – это всегда лишь потенциальное место фиксации);
- (4) вытекающий из (2) и (3) признак потенциального *контакта*.

Именно идея контакта явилась принципиально новым шагом в развитии аккумулятива, ранее индифферентного к этому признаку. Другими словами, свойство потенциальной инклюзивности полностью вписывалось в формирующуюся функцию ВП как указателя на место потенциальной фиксации результата действия, лишь конкретизируя её: если в рамках своей исходной функции фокусировки ВП мог указывать на место, относительно которого/в связи с которым/в сфере которого будет зафиксирован результат действия, в том числе, но не обязательно и на/в границах участника-места, то в своем прямообъектном значении он указывал на обязательность полного контакта результата действия и места его фиксации в случае успешного завершения внесения глагольного признака (= достижения результата).

Глава 6 «Родительный падеж» посвящена системно-функциональному анализу родительного падежа (далее – РП). Участвуя в формировании падежной системы, РП вошёл в неё не во всём объёме своих грамматических значений, а лишь частично. Этот падеж функционально "поддержал" падежную систему лишь одним своим грамматическим значением – в рамках конструкции *у+РП*. В остальном РП остался стоять особняком среди других падежей в системно-функциональном отношении, заняв при этом своё прочное место в грамматической системе языка в целом.

Исходной посылкой для дальнейшего системно-функционального исследования РП является положение о том, что «область функций родительного падежа изначально неоднородна и имеет как минимум два ядра» (А.М. Лаврентьев), т.е. в русском языке на протяжении всей его истории существовало и существует два омонимичных РП, принципиально различающихся в историческом и системно-функциональном плане – РП приименный, восходящий собственно к генитиву (*чтение книги; падение книги; успех книги; Дом книги* и т.п.), и РП приглагольный (*лишиться денег; бояться угрозы; не читать книгу; отойти от дома* и т.п.), происходящий из древнего аблатива.

На примере названия романа В. Набокова «Защита Лужина» показывается, что словосочетание, вынесенное в его название, может быть истолковано тремя: 1) кто-то защищал Лужина (объектные отношения); 2) Лужин кого-то защищал (= защита Лужиным, субъектные отношения); 3) защита, носящая имя Лужина (определятельные отношения). Следовательно, существительное в этой форме равновероятно способно указывать на любое из названных семантических отношений с другим существительным и собственно РП невозможно приписать ни одного из трех значений.

После анализа широкого спектра грамматических значений, традиционно приписываемых РП, в работе делается вывод о том, что

⁷ Подчеркнем ещё раз, что ранее признак направленности/ненаправленности был нерелевантен для падежной системы, т.к. и ВП, и ПП, и ДП практически в равной мере могли указывать и на направление, и на место; изначально же отсутствие признака направленности собственно у древнейшего ВП наиболее ярко было видно в тех его употреблениях, где четко прослеживалась фиксирующая функция, которая лишь впоследствии привела к отмиранию этих конструкций.

- собственно приименный РП не способен указывать на семантические отношения между компонентами словосочетания;
- семантические отношения между компонентами словосочетания с приименным РП понимаются говорящими лишь на основе их лексико-семантических и имманентных грамматических (например, переходности/непереходности исходного глагола) свойств и широкого контекста.

Невозможность выявить семантику приименного РП на уровне словосочетания приводит к необходимости исследовать функционирование этого падежа на уровне предложения и на уровне текста.

Анализ строится на понимании функции падежной подсистемы в системе русского языка, как она была сформулирована в Главе 1: при помощи падежной маркировки языковых знаков адресант указывает адресату на своё представление о роли соответствующих участников в ситуации, описываемой обычно как развивающееся событие, и о степени их причастности к развитию этого события.

Если с этой точки зрения взглянуть на предложение *Иван пишет карандашом письмо сестре в комнате бабушки*, то легко заметить, что участники, представленные в этом предложении по-разному маркированными именами, делятся – в смысле причастности к развитию события "написание письма" – на две неравные группы: и *Иван*, и *ручка*, и *письмо*, и *сестра*, и *комната* зримо или незримо (*сестра*) в разной степени оказываются причастными к развитию этого события (*Иван* – генератор (инициатор) события, *письмо* – прямой объект воздействия, *ручка* – инструмент, *сестра* – адресат, *комната* – место). Только *бабушка* как реальный объект действительности стоит особняком в ряду денотатов, имена которых мы встречаем в этом предложении: присутствует или нет она в этой комнате и даже жива она или нет – никак не влияет на развитие актуально описываемого события.

Из сказанного вытекает принципиальное отличие РП приименного от всех других падежей: с помощью всех остальных падежей адресант маркирует имена участников ситуации так, чтобы максимально точно донести до адресата свое представление об их роли в актуальном событии и степени причастности к его развитию. Другими словами, маркирование имен падежами отражает актуальное отношение каждого из участников к описываемому событию. Не так обстоит дело с родительным приименным: этот падеж маркирует имя того референта, который сам по себе может принимать, а может и не принимать участия в актуальном событии. Иначе говоря, само свойство участия/неучастия референта в актуально описываемом событии оказывается нерелевантным при маркировании его имени с помощью РП. С другой стороны, несущественным оказывается и наличие непосредственного контакта в пространстве-времени между референтами главного и зависимого слова.

В работе показывается нерелевантность для приименного РП тех семантических отношений, которые складываются к моменту актуального высказывания между компонентами соответствующих словосочетаний: возникли ли они в результате предыдущего акта предикации (*чтение книги*) или не могут быть возведены к нему (*магазин технической книги*); восходит ли генитивный компонент к подлежащему-номинативу (*книга читается*) или прямому дополнению-аккузативу (*книгу читают*); являлся ли Лужин субъектом или объектом в предыдущем акте предикации – все это никак не проясняет системно-функциональную сущность собственно приименного генитива в актуальном высказывании, т.к., маркируя имя того референта, который непосредственно не участвует в развитии этого события, РП сам по себе и не должен выражать тех ролей и отношений, которые возникли за рамками данного события: обо всех этих отношениях между компонентами словосочетания мы можем лишь догадаться из сопоставления их лексической семантики (*чтение докладчика/ чтение доклада/*

проблематика доклада/ два доклада) или из более широкого контекста (*защита Лужина; фотография сына*).

Таким образом, семантическое разнообразие словосочетаний, в которые может быть включен приименный РП, свидетельствует не о многообразии его грамматических значений, а наоборот, о том, что РП вообще не имеет собственно падежных значений (таких, как орудийное, прямообъектное, локативное, делиберативное и т.п. у соответствующих падежей).

Далее, с целью выявления инвариантной функции приименного РП в современном языке, проводится анализ этого падежа на уровне текста.

Предлагается различать две функционально-семантические разновидности приименного РП:

- атрибутивный приименный РП;
- контекстуальный приименный РП.

Под атрибутивным приименным РП понимается такая словоформа, текущий смысл которой не требует предварительной актуализации, т.к. её сочетание с данным главным словом словосочетания является узואльно воспроизводимым и обозначает цельное понятие (*луч солнца, цвет апельсина, магазин технической книги, дом младенца, капитан милиции, учитель физики*). Наличие синонимичного словосочетания с прилагательным не является обязательным условием отношения приименного РП к атрибутивному виду.

Под контекстуальным приименным РП предлагается понимать такую словоформу, смысл которой требует предварительной актуализации в рамках данного контекста, т.к. её сочетание с главным словом является окказиональным (*портфель мамы, детство Ивана, кабинет Петрова* и т.п.).

В любом тексте родительный приименный маркирует имя того и только того референта, который заранее известен либо из предтекста, либо из пресуппозиции. Необходимость введения в текст контекстуального признака в форме имени в РП возникает в случае, если сведения об одном из референтов представляются автору информативно недостаточными. Такая ситуация возникает либо в силу того, что имя референта впервые водится в контекст, либо только что было введено в контекст, но в слишком обобщенном виде, либо в дальнейшем контексте будет пониматься по-новому. Говоря коротко, необходимость в родительном приименном появляется тогда и только тогда, когда требуется актуализация смысла имени одного из референтов. Такое имя в РП является **контекстуальным признаком** имени референта, сведения о котором представляются адресанту недостаточными.

Указанная функция приименного РП, на первый взгляд, очень напоминает основную функцию прилагательных – называть признак существительного, выделяющий его из ряда идентичных объектов, тем самым конкретизируя его актуальный смысл. Однако взгляд на эти конструкции в рамках контекста, а не словосочетания или предложения, доказывает, что перед нами именно сходство, но никак не тождество.

Это можно увидеть при сопоставлении пары *цвет апельсина – апельсиновый цвет*. При покупке конкретного апельсина может оказаться, что цвет его будет зеленым: *Вернувшись с рынка, мама достала из сумки апельсин, грушу и яблоко. Цвет апельсина был зеленый. "Это такой новый сорт, – сказала мама, – давай попробуем."* Во втором предложении словоформа *апельсина* лишь актуализирует вновь введенное в текст слово *цвет*, привязывая последнее к контексту и указывая слушающему, что далее речь пойдет именно о цвете ранее упомянутого апельсина, а не груши или яблока. Другими словами, слово *апельсин* в РП является здесь лишь контекстуальным признаком слова *цвет*. Понятно, что как только мы образуем от слова *апельсин* прилагательное *апельсиновый*, то в сочетании со словом *цвет* оно станет его атрибутом, т.е. начнет обозначать его («< лат.

attributum – приданое) существенный признак ... неотъемлемую принадлежность предмета» (Словарь иностранных слов).

В исследовании показывается, что лишь атрибутивный приименный РП полностью функционально совпадает с прилагательным, тогда как контекстуальный выполняет свою особую функцию в языке. Исходя из этого, в работе делается предположение о возможности постепенного возврата (безусловно, частичного) к исконно русскому тотальному способу выражения атрибутивных отношений – с помощью прилагательных: как *крестное целование* в ходе истории постепенно превращалось в *целование креста*, так и, наоборот, *послание/выборы президента* постепенно превращается в *президентское послание/выборы*, причем прямо на наших глазах.

С другой стороны, можно полагать, что приименный РП надежно сохранит свои позиции там, где произошла его системно-функциональная дифференциация с прилагательным, а именно: в функции контекстуального признака существительного, выделяющего его из ряда идентичных объектов путем ассоциирования с референтом, заранее известным из предыдущего контекста.

Принципиальное отличие контекстуального родительного от всех других падежей заключается в том, что с его помощью устанавливаются **сверхфразовые, вертикальные отношения в тексте**, а с помощью всех остальных (включая приглагольный РП) – **внутрифразовые, горизонтальные отношения в предложении**⁸.

Принципиально иным является **качество отношений**, устанавливаемых при помощи контекстуального РП. Последний указывает на **межреферентные** отношения, а все остальные падежи – на отношения референтов к событию (действию, в широком смысле).

Природа устанавливаемых при помощи генитива межреферентных сверхфразовых отношений **признаковая**: это ассоциация по смежности между двумя референтами, недостаток сведений об одном из которых (названном главным словом словосочетания) восполняется путем его актуализации с помощью имени другого, заранее известного референта. Указание на какие бы то ни было семантические отношения между членами словосочетания не входит в функцию приименного РП; семантические отношения между компонентами словосочетания выводятся реципиентом из лексических и имманентных грамматических свойств лексем.

Инвариантная функция приименного РП называется в исследовании **патронимической** (от гр. *patēr* (*patros*) отец + *опута* имя): РП **маркирует имя референта, ассоциация с которым служит для актуализации (порождения=>родительный падеж) текущего смысла определяемого слова**.

Вторая часть Главы 6 посвящена анализу приглагольного РП. Сопоставление двух древнерусских предложений: *Того берега отплыхомъ* и *Изяславъ же Давыдович доиде Игорева броду*, в которых с помощью одной и той же падежной формы описывается, согласно традиционной трактовке, удаление от определенного места в первом случае и достижение определенного места – во втором, позволяет сделать предположение об иной функции древнего приглагольного РП. В работе доказывается, что древний РП был, как и другие падежи, нейтрален по отношению к вектору направленности движения. Этот падеж указывал на определенное свойство участника как места в пространстве, а именно: на его **отдаленность** от производителя действия. При этом отдаленность этого участника могла как **возникать** в результате действия, описанного глаголом (удалительные глаголы), так и **преодолеваться** (достигательные глаголы); в любом

⁸ Указанная трактовка согласуется, в частности, со взглядами на приименный генитив А. В. де Гроота, который выделял генитив среди падежей, имеющих референциальные значения (*referential meaning*) – генитива, аккумулятива, аблатива и датива, в отдельную подгруппу, отмечая, что генитив отражает отношение предмета к предмету (*thing-to-thing relation*), в отличие от трех других, указывающих на отношение предмета к процессу (*process-to-thing relation*) [De Groot 1956: 190].

случае РП указывал лишь на отдаленность (=дистантное расположение) этого партиципанта-места в пространстве (изначальную или возникшую в результате действия – неважно), а направление в приведенных примерах задавалось лишь префиксами глаголов.

Аналогичным образом трактуются и глаголы лишения (переносно-удалительные: *рече ему Феодосий: "се отхожю .свРта сего"*; *Исковъ отлучися Московского государства; ... и избавленъ буду безконечных мучений*) и достигательные глаголы в переносном значении (*хлРба прошю и ризы хоуды; вРчнаго жития желаетъ; житию распывши ся имРния ли трРбоуеши*). При этом суть последних из этих конструкций, наличие до нашего времени почти без изменений и которые всегда вызывали наибольшие споры у лингвистов, определяется как указание на объективную отдаленность объекта при его субъективной достижимости (вслед за А.А. Потебней, который указывал, что значение желаемого предмета «предполагает отсутствие объекта в действительности и присутствие его лишь в мысли»). Здесь важно то, что отсутствие в действительности и присутствие в мысли – это уже не есть полное отсутствие; это есть, во-первых, осознание наличия этого партиципанта (предмета или места в пространстве) и, во-вторых, нахождение его вне сферы владения субъекта, т.е. отдаленности. На отдаленность указывает РП, на достижимость – переносно-достигательные глаголы (*хотеть, желать, жаждать, искать (покоя), домогаться, требовать, вымаливать* и т.п.), имеющие "эмоционально-модальную" (Г.А. Золотова) окраску, оттеняющую возможность достижения результата лишь с субъективной точки зрения говорящего (в отличие от исходно достигательных глаголов типа *достигнути города*, где речь идет о реальном достижении реального объекта).

В результате анализа древнерусского и старославянского материала в работе делается вывод об исходной инвариантной функции приглагольного РП. С помощью РП маркировалось имя партиципанта-места, дистантно расположенного по отношению к производителю действия. Такую функцию приглагольного РП предлагается для краткости называть *дистантной функцией РП*. Все рассмотренные глаголы описывают такие действия, в результате которых эта дистанция (в пространстве или во времени) возникает или преодолевается. Существенно при этом, что в значении самого древнерусского РП не присутствует указание на направленность действия; сама же направленность "от отдаленной точки/к отдаленной точке" передается исключительно глаголом.

Выявленная инвариантная функция дошла до нашего времени практически без изменений. Вместе с тем, в истории развития языка был период, когда данная функция начала свое развитие в несколько ином направлении, которое, в конечном итоге, оказалось "тушиковым", хотя рефлексy этого развития находят своё отражение и в современном языке, позволяя объяснить многие "неясности" и сделать прогноз развития ряда языковых явлений.

Речь идет о функции приглагольного РП, которая названа в работе объектной. Системно-функциональный анализ глаголов группы *слушати/сьмотрити* (*А всядемъ, братие, на свои бързья комони, да позримъ синего Дону; Гладай взора, и лица его и смысла его; Послушаи учения родительскаго; Поиде и посмотрю Елеоноры; А у торговых людей смотрят товаров*) приводит к выводу о том, что наряду с сохранением пространственно-достигательной семантики, здесь возникает идея достижения удаленного партиципанта не производителем действия, а с а м и м д е й с т в и е м .

А это означает не что иное, как то, что подлежащий достижению партиципant приобретает свойства объекта действия. Другими словами, производитель действия, как и в случае *достигнути берега/мужескаго возраста*, достигает контакта с партиципantом, но уже не непосредственного, а опосредованного слухом/зрением. При этом сам РП указывает теперь не только и не столько на партиципant, дистантно расположенный по

отношению к производителю действия, сколько на партиципant, находящийся **вне сферы действия до его начала**.

Развитие объектной функции РП привело к пересечению системно-функциональных полей РП и ВП: эти падежи оказались способными описывать один и тот же объект действия, только в разных ракурсах, в различных качествах: РП – с точки зрения его состояния до начала действия (нахождение вне сферы действия); ВП – с точки зрения его потенциального состояния после осуществления действия (место потенциальной фиксации результата действия).

Такой подход позволяет понять постоянно подчеркивавшиеся многими лингвистами хаотичность и немотивированность употребления ВП и РП на протяжении достаточно долгого периода истории, отказавшись при этом от малопродуктивных попыток найти семантические различия конкурировавших конструкций (типа *томуо вероу имить* (ВП) – *томуо вРры имите* (РП); *иже оукрадетъ въ время жнитвы серъь*, или *коситвы косоу*, или *секироу во время дРланиа* (ВП) – *иже земледРлецъ оукрадетъ ральны(х) желРтъ* (РП); *томуо Ираклиноу боляриноу оурРзавъше носъ* (ВП) *а мтри его языа* (РП); в одном и том же предложении); *Благоуую черньцо по закону людьскому носъ* емоу оурРзаетъ (ВП) – *Александра и дружиноу его казни. овому носа оурРзаша. а иномуо очи выимаша* (РП)).

Таким образом, с системно-функциональных позиций, причина сосуществования ВП и РП в общих контекстуальных условиях связана с **временным пересечением** их системно-функциональных полей, т.е. оба этих падежа маркировали имя одного и того же участника события, но описывали соответствующий актант в разных ракурсах.

Далее в работе рассматриваются три пути развития прилагольного РП: (1) повсеместное "отмирание генитивной переходности" (В.Б.Крысько) там, где пересекались системно-функциональные поля РП и ВП; (2) сохранение прилагольного РП в случае поддержки его исходной дистантной функции предлогами; (3) сохранение прилагольного РП в случае функционально-семантической дифференциация РП и ВП в одинаковых контекстах и их сосуществования на принципах дополнительной дистрибуции.

Особое внимание в работе уделяется третьему пути, в рамках которого рассматривается вопрос о мене ВП на РП при отрицании переходных глаголов (*Он читал эту книгу?* – *Нет, он не читал этой книги*) и мене ИП на РП в отрицательных бытийных (*Завтра в ДК будет концерт?* – *Нет, концерта не будет*) и *поссесивных* (*У тебя есть эта статья?* – *Нет, у меня нет этой статьи*) конструкций.

Между этими конструкциями имеются существенные различия:

1. При отрицании переходного действия (*он не читал этой книги*) РП соотносится с ВП утвердительного предложения; при отрицании в *поссесивной* (*у меня нет этой статьи*) и в бытийной (*концерта не будет*) конструкциях – с ИП.

2. РП в первой из них может свободно варьироваться с ВП, не нарушая норм современного русского языка (*он не читал этой книги* – *он не читал эту книгу*); РП в двух последних конструкциях является обязательным (невозможно: **у меня нет эта статья*, **концерт не будет*).

3. РП при отрицании переходных глаголов является исконно присущим русскому языку (при его почти абсолютной обязательности в древнерусском языке), а появление ВП в подобных конструкциях – факт более позднего развития языка, причем последнего его периода в наибольшей степени; и наоборот: в бытийных конструкциях мена ИП на РП не была обязательной (хотя и являлась возможной) в древнерусском языке, при этом облигаторный РП в отрицательных бытийных конструкциях – результат постепенного развития языка.

Что касается мены ВП на РП при отрицании переходного действия, то обязательность такой грамматической трансформации в древнерусском языке хорошо

известна (*А хто ... почнет лРсь сРчи и пожени косити, и заяци гоняти или рыбы ловити, или ягоды и губы брати ... шю тотъ ... за свою вину дастъ намъ рубль; лРса не сРките, сРна не косите, заяцевъ не гоняите, рыбъ не ловити, ягодъ ни губъ не берите*). С системно-функциональных позиций такое положение дел достаточно легко объяснимо: как только в ВП начала развиваться функция указания на объект как на место потенциальной фиксации результата действия, так сразу же она вступила в конфликт с содержательной стороной отрицательных предложений: суть последних как раз и заключалась в том, чтобы указать на невозможность внесения глагольного признака в объект.

Употребление же именно РП при отрицании переходных действий мотивировалось его объектной функцией: указанием на объект, находящийся вне сферы глагольного действия (*я не читал этой книги – книга находится вне сферы глагольного действия*).

Современное состояние этих конструкций, по единодушному мнению лингвистов, характеризуется устойчивой экспансией ВП в область отрицания переходного действия: модель *я не читал эту книгу*, начиная с конца XVII-начала XVIII вв., все более активно вытесняет модель *я не читал этой книги*. В работе показывается, что употребление ВП и РП при переходных глаголах с отрицанием свидетельствует не об их семантической дифференциации, а об их «полном смещении» (А.М. Пешковский), обусловленном их временным сосуществованием в рамках данной конструкции на современном нам этапе развития русского языка. На фоне общей тенденции к вытеснению винительным падежом родительного из сферы беспредложного приглагольного употребления, связанную с отрицанием объектной функции РП и кристаллизацией прямообъектного значения ВП, прогнозируется окончательный выход РП из употребления при переходных глаголах с отрицанием.

Что касается бытийных конструкций, то в них тенденция к употреблению РП и ИП при отрицании была прямо противоположной в историческом плане: исконно замена ИП на РП не была присуща славянским языкам: *: и впередь торгъ Рижскимъ и всРхъ НРметцкихъ городовъ во Пскове за то не будетъ; Тоя же веснР бысть вода велика силна... за много летъ не бывала такова вода; нРсть ничто же... не бысть ничто же*.

Можно предположить, что ИП при отрицании в бытийных предложениях мог сохраняться до тех пор, пока *нет* ещё воспринималось как *не Рсть*, а вся отрицательная конструкция в целом – не как бытийная (существует/не существует референт подлежащего, по Н.Д. Арутюновой), а как декларативная (совершается/не совершается действие). Иначе говоря, «бытийные» предложения древнерусского периода (и, видимо, более раннего) не были собственно бытийными, т.к. сообщали о том, *Рсть* или *не Рсть такова вода*: отрицалось не само существование референта, решался вопрос не о «бытии», а о том, генерируется или не генерируется событие объективно существующим партиципантом. В этом случае ИП, в рамках своей инвариантной функции, по-прежнему маркировал имя партиципанта, который генерировал событие *Рсть* или *не Рсть*. Когда же отрицание перестало восприниматься как не+глагол *Рсть* и слилось в одно слово *нет*, то оно стало восприниматься – при отсутствии глагола – уже как отрицание существования самого партиципанта, а вся конструкция в целом и стала бытийной в современном понимании. От несуществующего партиципанта нельзя было и ожидать генерирования события, что привело к невозможности маркирования его имени с помощью ИП. Такое переосмысление конструкции в презенсе привело и к общему её переосмыслению во всех временных формах и, по аналогии, окончательному выходу из употребления ИП в отрицательных бытийных конструкциях как в прошедшем, так и в будущем времени.

Появление РП взамен ИП в анализируемых конструкциях полностью соответствовало развивавшейся объектной функции родительного. При этом оказалось совершенно несущественным, является ли соответствующий актант объектом или субъектом: РП указывал на него лишь как на субстанцию, находящуюся вне сферы

действия.

Что касается окончательного выхода из употребления ИП и абсолютной устойчивости РП в отрицательных бытийных предложениях, то причины этих процессов очевидны: во-первых, полное противоречие коммуникативно значимых свойств участника инвариантной функции ИП и, следовательно, невозможность маркирования его имени этим падежом как падежом генератора события; во-вторых, отсутствие конкуренции с ВП, т.к. соответствующий актант не является в данной конструкции прямым объектом действия.

Особое место в русской падежной системе занимает конструкции *у+РП*. В качестве исходной принимается восходящая к А.А. Потебне "локалистская" трактовка семантики этого компонента, независимо от лексического наполнения конструкций, в которые он включается: функция предложно-падежного сочетания *у+РП* в предложениях типа *У меня есть друг* и *У стены стоит стол* идентична: речь идет о том, что один участник события (*друг/стол*) находится в зоне другого участника (*у меня/у стены*), т.е. *у+РП* указывает на зону фиксации участника-генератора.

Бытийные предложения с предложно-падежным сочетанием *у+РП* специализировались в языке на интродуктивной функции. Постановка имени генератора события в позицию ремы позволило – в рамках инвариантной функции ИП – указать на то, что дальше последует рассказ именно об этом участнике, т.е. что последующие события будут связаны именно с ним. При этом в позицию темы сообщения ставится имя того участника, информация о котором гарантированно известна участникам акта коммуникации (*у меня*) и не требует ввода отдельным предикативным актом. Рассматриваемые предложения позволили в устном общении решить ту же проблему, которую в письменном позволили решить биноминативные конструкции типа *Лингвистика – это наука о языке*: они решили проблему "с чего начать?", т.е. как построить первое сообщение текста, если у говорящего нет уверенности, что предмет рассказа достаточно известен собеседнику. В этом и заключается функция бытийных предложений с предложно-падежным сочетанием *у+РП* в системе языка.

Что касается собственно локального грамматического значения *у+РП*, сформулированного в работе как указание на фиксацию события в зоне субстанции, оно оказалось востребованным падежной системой, когда на первый план стали выдвигаться противопоставления падежей по линии потенциальности/реализованности фиксации события, а также по линии важности/неважности контакта с местом фиксации. Именно в своём сочетании с предлогом *у* родительный падеж заполнил нишу в падежной системе, вступив в оппозицию с ПП по линии важности/неважности контакта (*Иван сидит в доме – Иван сидит у дома*) и с ДП по линии потенциальности/реализованности фиксации (*Иван подошел к дому – Иван стоит у дома*).

Таким образом, особое значение этой конструкции в рамках инвариантной функции РП таково: конструкция *у+РП* специализировалась в языке на маркировании участника-зоны реализованной фиксации события.

Глава 7 «Дательный падеж» посвящена системно-функциональному исследованию дательного падежа (далее – ДП). Под актуальной инвариантной функцией ДП падежа понимается маркирование имени участника-зоны потенциальной фиксации результата события.

Сопоставительный анализ обстоятельственного значения предложно-падежного сочетания *к+ДП*, указывающего на направление движения (*Отряд идет к городу*) с обстоятельственным значением сочетания *в+ВП* (*Отряд идет в город*), показывает, что в случае *к+ДП* речь идет о так называемом эксклюзивном движении, т.е. движении, не предполагающем заход в границы объекта, движении к границе объекта, а в случае *в+ВП* – об инклюзивном движении, предполагающем заход в границы объекта. Завершение

указанных действий описывается, соответственно, следующими предложениями: *Отряд подошёл к городу* – *Отряд вошёл в город*; вид глагола указывает на завершенность действия, обстоятельства по-прежнему указывают на эксклюзивную либо инклюзивную направленность движения.

Как уже было показано ранее, направление есть не что иное, как потенциальное местонахождение движущегося партиципанта. Поэтому, если говорящего будет интересовать не завершенность/незавершенность движения в определенном направлении (что в приведенных выше предложениях выражается видом глагола), а собственно местонахождение партиципанта, то конечный результат инклюзивного движения будет описан предложением *Теперь отряд в городе*, т.е. обстоятельством в III с предлогом *в*. Последняя конструкция укажет слушающему на то, что партиципant-генератор реально зафиксировался в данном партиципant-месте, тогда как *в+ВП* указывала на это место (*город* – в данном случае) лишь как на направление движения, т.е. на потенциальное место фиксации партиципанта-генератора (*отряда* – в данном случае).

Если же говорящего будет интересовать конечный результат эксклюзивного движения, т.е. местонахождение с партиципанта в результате движения к месту, то он оформит соответствующее сообщение следующим образом: *Теперь отряд у города*. Если вспомнить, что ПП в системно-функциональном отношении указывает на партиципant-место (*город*), в зоне которого реально фиксируется партиципant-генератор (*отряд*), а предлог *у* уточняет при этом эксклюзивный характер со-отношения этих партиципantов в пространстве, то становится понятным, что конструкция *к+ДП* указывает на партиципant-место (*город*), в зоне которого потенциально может зафиксироваться другой партиципant (*отряд*), а предлог *к* уточняет при этом эксклюзивный характер потенциального со-отношения этих партиципantов в пространстве. Другими словами, ДП указывает на место, по завершении движения к которому партиципant окажется зафиксированным у которого.

Таким образом, сопоставление конструкций *к+ДП* и *у+ПП* позволяет говорить о том, что в пространственно-обстоятельственном значении они соотносятся как указатели на зону потенциальной (*к+ДП*) и реальной (*у+ПП*) фиксации партиципанта.

Анализ древнерусского и старославянского материала дает возможность сформулировать исходную инвариантную функцию ДП: **маркирование имени партиципанта, в зоне которого находится другой партиципant**. Такая трактовка является (1) более широкой, чем формулировка, сводящая значение ДП к значению направленности, и включает её в себя; (2) позволяет объяснить все случаи употребления древнего ДП; (3) соответствует общему "локалистскому" взгляду на исходное состояние древней надежной системы; (4) позволяет восстановить системно-функциональную логику развития ДП от древнего состояния вплоть до наших дней.

К примеру, признание "ненаправленности" ДП позволяет непротиворечиво объяснить древнее употребление ДП при глаголах отнимания и избавления: *НОСТЬ ДОБРО ОТСТИ ХЛОБА ЧСДОМЪ*; *ВЪ АДО ОТРОШИТЬ БОЛОЗНИ ОУМЪРЪШИИМЪ*; *Святополкъ... имънихъ многимъ отымъ*; *Прохор чернець отьяль ны есть богатство и мы обнищомъ*. ДП в них указывает на партиципant, находящийся в зоне другого партиципанта, а глагол указывает на исключение этого партиципанта из указанной зоны: *НОСТЬ ДОБРО ОТСТИ ХЛОБА ЧСДОМЪ* – словоформа *ЧСДОМЪ* в ДП указывает, что субстанция *ХЛОБЪ* находилась в зоне детей; глагол указывает на изъятие последней из данной зоны. *Прохор чернець отьяль ны есть богатство и мы обнищомъ* – *богатство* находилось в зоне, на которую указывает местоимение *ны* в ДП; глагол по-прежнему указывает на изъятие из этой зоны. Если же, наоборот, признать, что древний ДП указывал на предмет, «к которому направлено ... действие» (А.Б. Правдин), то объяснить

существование указанных конструкций оказывается совершенно невозможным, т.к. они оказываются противоречащими самой сути ДП в его традиционном понимании.

Исходная инвариантная функция ДП позволяет также понять, что так называемый древний ДП принадлежности (*СЕМОУ ВЛАСНА РИЗА БО; МЬНО ОУБО ЖЕЛАНИЕ В ЪВСТЬ ВЪЗВРАТИТИ СС; МЬНО ЕСТЬ ДРОУГЪ; И НЕ БО ИМА ЧСДА; И СЕ ЕИ БО СЕСТРА; АШТЕ БДЕТЬ ЕТЕРОУ СЪТО ОВЪЦЪ*) не имеет никакого отношения к посессивности, как не будет иметь к ней отношения и конструкция *у+РП*, которая придет ей на смену в указанных конструкциях. В древней дативной конструкции не шла речь об "обладании или принадлежности" (по Р. Мразеку), а говорилось в ней о нахождении одного участника в зоне другого, т.е. ДП маркировал имя участника, в зоне которого находился другой участник, при этом ничто куда не было направлено и никто ничем не обладал. Так, в предложении *СЕМОУ ВЛАСНА РИЗА БО* констатируется наличие *власной ризы*; очевидно, что ни о какой "направленности" этой *власной ризы* к субъекту речи здесь не идет; "локалистская" трактовка *у+РП* в той же позиции позволяет понять, что и в предложении с ДП речи об обладании не идет. Особенно наглядно это видно в другом из приведенных выше предложений – *И НЕ БО ИМА ЧСДА*: ни о каком "обладании" тут речи быть не может. В обоих случаях говорится лишь о том, что факт наличия (ВЛАСНА РИЗА БО) или отсутствия (НЕ БО ЧСДА) участника относится к данному лицу, существует не вообще, а в связи с данным лицом, находится в зоне этого лица, у этого лица.

Рассматривая развитие исходной инвариантной функции ДП в актуальную, отмечаем, что уже к моменту появления первых памятников письменности этот падеж активно использовался для указания на отношения между участником-местом и событием, т.е. для указания на роль в событии участника, имя которого маркировалось ДП, а не на пространственные отношения между участниками. Тем самым ДП приобрел объектную функцию, т.к. маркируемое им имя участника превратилось из обстоятельства в объект действия.

Так же как ВП, в противоположность ПП, стал указывать на место потенциальной фиксации результата события, так же и ДП в своей объектной функции стал указывать не на зону фиксации вообще, а на зону потенциальной фиксации результата события. При этом понятие "зоны" подчеркивает, что результат события оказывается лишь приписанным к этой субстанции, *не охватывая её целиком и не сливаясь с ней* (как в случае с ВП). Так, если *Иван кидает мяч сестре*, то это вовсе не значит, что *сестра* этот мяч поймает и он окажется у неё – *сестра* лишь потенциальная зона фиксации; при этом речь идет именно о зоне фиксации, поскольку иначе *мячик* оказался бы **в сестре*.

Подход к пониманию актуальной инвариантной функции ДП поясняется на примере предложения *Иван пишет карандашом письмо сестре в комнате бабушки*. В Главе 6 уже говорилось, что референт слова *бабушка* стоит особняком в ряду референтов, имена которых встречаются в этом предложении: присутствует или нет она в этой комнате и даже жива она или нет – никак не влияет на развитие актуально описываемого события. Участники, представленные в предложении именами *Иван, ручка, письмо, комната*, реально участвуют в актуальном событии, т.е. находятся в данном месте и в данный час – в момент протекания события. Что касается *сестры*, то она, с одной стороны, причастна к развитию события "*написание письма*", поскольку ради неё, для неё это событие и совершается, но, с другой стороны, она непосредственно не участвует в самом действии, в самом "процессе писания". Другими словами, и *Иван* как инициатор действия, и *ручка* как орудие этого действия, и *письмо* как прямой объект этого действия, и даже *комната* как место, где это действие осуществляется, – все они находятся в одно время и в одном месте, участвуя в самом действии. *Сестра* же вообще не участвует в процессе осуществления данного действия, хотя при этом и причастна к событию в целом: все событие "написание ручкой письма в комнате" совершается для *сестры*, т.е. словоформа в

ДП указывает слушающему *на адресата, но не действия, а всего события!* Если же при этом учесть, что адресат – это не что иное, как некая зона потенциальной фиксации, то остается только уточнить, что в нашем случае в этой зоне потенциально может оказаться зафиксированным *результат события*. Иначе говоря, ДП указывает на партиципant как на зону потенциальной фиксации результата **с о б ы т и я**.

В связи со сказанным, правильнее было бы говорить не о прямом и косвенном объектах действия, а об адресате действия, имя которого маркируется ВП, и адресате события, имя которого маркируется ДП. При этом адресат действия является потенциальным получателем глагольного признака (*Я читаю книгу* – после успешного завершения действия *книга* окажется *прочитанной*, т.е. глагольный признак полностью перейдет в объект), а адресат события является потенциальным получателем результата события, или зоной его потенциальной фиксации. При этом наличие узально закрепленной конструкции для описания результата адресации события у одних глаголов, при которых ДП частично сохранил свое локативно-обстоятельственное значение (*Посол вручает/вручил верительную грамоту президенту* – *Врученная грамота у президента*), либо отсутствие такой специализированной конструкции у других глаголов, при которых ДП стал полностью синтаксичным (*Иван читает книгу сестре* – Ø), никак не влияет на инвариантную функцию ДП в данных конструкциях.

Сема потенциальности и явилась тем новым, что видоизменило инвариантную функцию ДП: древний датив был безразличен к этому признаку и одинаково успешно мог описывать ситуацию как реальной фиксации одного партиципанта в зоне другого (*СЕМОУ ВЛАСНА РИЗА БО*), так и потенциальной (*ТЪГДА ПОУСТИШС ЕВМОУ ТРИСЪТА ЗЛАТИЦЪ*). По мере развития функционально-семантической системы русских падежей, функция указания на **р е а л ь н о е** место фиксации партиципанта или результата события в зоне другого партиципанта отошла к конструкции *у+РП*, а за ДП закрепилась функция указания на партиципant как на зону потенциальной фиксации другого партиципанта или результата события.

Таким образом, при описании потенциальной/реальной фиксации результата **с о б ы т и я** в языке не сложилось столь же строгой и симметричной системы, как в случае потенциальной/реальной фиксации результата **д е й с т в и я**: беспредложному ДП оказался противопоставлен не какой-то другой падеж или специализированная грамматическая конструкция, а сочетание предлога *у* с РП, да и то лишь в тех его значениях, которые были частично связаны с исходной обстоятельственной семантикой беспредложного датива (*Петя бросает/бросил куклу сестре*. – *Теперь (брошенная) кукла у сестры*.). При этом для тех значений ДП, где он стал полностью синтаксичным, в русском языке не развилось никаких специализированных грамматических средств для описания реальной фиксации результата события в зоне субстанции, к которой это событие было направлено (*Петя читает сказку сестре*. – Ø).

Таким образом, вследствие развития способности падежей дифференцировать такие свойства события, как реализованность/потенциальность его фиксации и важность/неважность непосредственного контакта с местом фиксации, исходная инвариантная функция ДП: **маркирование имени партиципанта, в зоне которого находится другой партиципant** – постепенно трансформировалась в **а к т у а л ь н у ю** функцию ДП: **маркирование имени партиципанта-зоны потенциальной фиксации результата события**.

Глава 8 «Падежное оформление семантического субъекта» посвящена анализу способов падежного оформления семантического субъекта (далее – СС).

Если рассматриваемая ситуация не относится к тому узально закреплённому кругу событий, который может быть генерирован данным референтом или данным классом референтов, то СС, подлежащий упоминанию в предложении, как правило, не может быть

оформлен ИП. В частности, в языке существует определенный узואально закрепленный круг событий, который не может быть генерирован человеком или, шире, одушевленным лицом. Как правило, это события, участие или неучастие в которых не зависит от воли лица – события, которые возникают помимо воли человека и поэтому не могут быть им генерированы, с точки зрения языкового сознания. В русском языке это, в первую очередь, различные виды душевного и физического состояния: *грустно, весело, тепло, холодно, страшно, больно, хорошо, плохо; температура, жар, лихорадка; тошнит, знобит* и т.п. Все эти состояния возникают помимо воли человека, и поэтому при выборе ракурса изображения такого рода событий оказывается предпочтительным, а часто и обязательным, не изображать человека в качестве их генератора.

Если при описании таких событий всё же возникает необходимость назвать не только само событие-состояние, но и испытывающее это состояние лицо, то перед говорящим возникает вопрос, как оформить его имя, чтобы тот не оказался, во-первых, "заподозренным" в генерировании этого события, а во-вторых, чтобы всё-таки была понятна его причастность к данному событию.

Использовать ТП в данном случае нельзя, т.к. в рамках своей актуальной инвариантной функции этот падеж указал бы на то, что перед нами вторичный генератор события, т.е. тот партиципанта, который не просто принимает в событии участие, но и генерирует его, проявляя тем самым максимальную после ИП причастность к развитию события. Другими словами, если бы в русском языке существовали предложения **Петром грустно/ *Петром температура/ *Петром тошнит*, то *Петр* в них мог бы быть воспринят лишь как источник (каузатор) названных состояний, т.е. как будто *грусть/температура/тошнота* возникли из-за *Петра*, но никак не в качестве СС, испытывающего это состояние.

Что касается ПП, то этот падеж с его инвариантной функцией указания на место реализованной фиксации события с обязательным контактом мог бы гипотетически быть использован в данных конструкциях, т.к. СС в них может быть описан именно как место фиксации события-состояния. Однако локализация события с помощью ПП, т.е. сужение сферы его распространения вплоть до места, говорит о минимальной активности партиципанта в развитии этого события. Такая степень "деактивации" СС, т.е. сведение его до роли места, оказалась, по-видимому, чрезмерной при описании данного типа событий, в развитии которых он волей или неволей всё-таки принимает участие. Думается, что именно чрезмерная "деактивация" субстанции предложным падежом и привела к тому, что маркирование СС с помощью ПП оказалось возможным в русском языке лишь в очень ограниченном круге конструкций, описывающих имманентные свойства лица (внутренне присущие ему = зафиксированные в нём), но не его состояние: *В нем много плохого, но есть и хорошее*. Другими словами, идея реализованной полной фиксации события в партиципанте противоречила сути данных конструкций, в подавляющем большинстве случаев выражающих временное состояние лица-партиципанта.

Таким образом, три из шести падежей оказались функционально неподходящими для описания состояния субъекта, независимого от его воли: ИП и ТП – как слишком активные с точки зрения причастности к развитию события, ПП – как слишком пассивный в этом отношении, с одной стороны, и как чрезмерно сильный фиксатор – с другой.

Как известно, с помощью трёх остальных падежей – ВП, ДП и РП в составе конструкции *у+РП* – оформлять СС в русском языке можно. Далее в работе показывается, как распределяются указанные падежи по степени причастности к развитию события, исходя из их инвариантных функций.

Конструкция *у+РП*, закрепившись в языке за одушевленными объектами в случае необходимости указать на них как на зону фиксации события (*Петя сидит у врача*) и вступив тем самым в оппозицию с *в+ПП* (*Петя сидит в комнате*), оказалась максимально близкой к последней конструкции по признаку причастности соответствующего референта

к развитию события: референт-лицо – это всё равно лишь локус в рамках данной конструкции. Именно поэтому конструкция *у+РП* указывает на минимальную для одушевленного лица степень причастности к развитию события. В целом эта степень у неё несколько выше, чем у конструкции *в+ПП*, но, скорее, не по грамматическим причинам, а по чисто лексическим – за счёт одушевленности именного компонента.

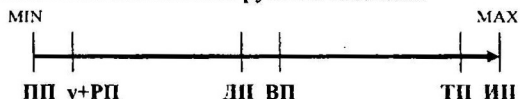
Оставшиеся два падежа – ДП и ВП – оказываются весьма близкими по степени причастности к развитию события тех объектных актантов, на которые они обычно указывают.

Максимально активно из всех партиципантов-локализаторов события участвует в его развитии тот референт, имя которого маркируется с помощью ВП. Грамматически его высокая степень причастности к развитию события выражается в том, что при изображении ситуации "завершенности переходного действия" тот же актант-прямой объект, в случае необходимости описать ту же ситуацию в другом ракурсе, может быть изображен как генератор события (*Иван прочитал книгу – Книга прочитана Иваном*).

В этом смысле косвенный объект в ДП, как непосредственно не участвующий в данном действии, обладает меньшей степенью причастности к развитию события, чем прямой объект в ВП, но при этом, будучи объектом события в целом, всё-таки достаточно активно принимает участие в его развитии.

Таким образом, на основании употребления падежей в рамках их инвариантных функций с целью указания на роли партиципантов в развитии события, у носителей языка складывается узусуально закрепленное ощущение степени причастности соответствующих референтов к развитию события. Как всякое ощущение, оно вряд ли поддается, скажем, математическому описанию, но, будучи узусуально закрепленным, т.е. единым для носителей языка, оказывается определяющим фактором при выборе тех или иных форм для описания менее стандартных ситуаций, т.е. таких, которые невозможно изобразить в привычном, наиболее удобном в рамках сложившейся грамматической системы ракурсе – в виде развивающегося события и его генератора.

Степень причастности к развитию события изображена в работе в виде шкалы имманентной активности русских падежей:

Далее на примере конкуренции *у+РП* и ДП в работе более подробно рассматриваются принципы маркирования СС.

Споры о семантических различиях конструкций *Ему оторвало руку*, *ему вырвали зуб*, с одной стороны, и *У него оторвало руку и ногу*, *у него вырвали зуб* – с другой, так и не увенчавшиеся победой единой точки зрения, предлагается перенести из области семантики в историческую плоскость. В Главе 7 было показано, что системно-функциональное поле древнего ДП было несколько шире, чем у современного: современному *у меня есть друг* соответствовало *МНО ЕСТЬ ДРОУГЪ*; и даже глаголы отнимания управляли не привычным нам *у+РП*, а ДП: *Святополкъ... имРня множимъ отъимъ*. Дальнейшее деление всей падежной системы по признаку потенциальности/реализованности фиксации события или его результата привело к тому, что ДП специализировался на указании на зону потенциальной фиксации, а *у+РП* – на зону реализованной фиксации.

Однако именно в зоне оформления СС эта дифференциация во многом нейтрализовалась, или – более точно – так и не оформилась. Многие конструкции, в которых СС изначально оформлялся ДП, так и дошли до нас без изменений (*ему исполнилось сорок лет!*, *ему грустно!*, *душно!*, *весело!*): ДП здесь, так же как и *у+РП* в конструкциях типа *у него температура/болит голова*, во-первых, дезактивирует СС, а во-вторых, указывает на него как на зону фиксации события-состояния. Другими словами, и

ДП, и *у+РП* функционально синонимичны в данных конструкциях, только ДП указывает на зону фиксации события в рамках своей исходной инвариантной функции (т.е. без указания на потенциальность фиксации), а *у+РП* – на то же самое в рамках актуальной. Такой подход позволяет объяснить безрезультатность и бесперспективность упомянутых споров о семантических различиях конструкций типа *ему вырвали зуб* и *у него вырвали зуб*: как и в случае с оформлением объекта при переходных глаголах с отрицанием (*Петя не читал этой книги/эту книгу*) речь в данном случае идёт о временном пересечении функциональных полей двух падежей. Такое пересечение (т.е. функциональная синонимия) не может продолжаться вечно, т.к. язык – в силу закона экономии языковых средств – в принципе не терпит абсолютной синонимии. Как известно, из такой ситуации существует только два выхода: вытеснение одной конструкции другой или их семантическая дифференциация.

В зоне конкуренции ДП и *у+РП* за право оформлять СС можно проследить оба указанных пути. Ранее проведенные наблюдения над другими случаями пересечения падежных системно-функциональных полей позволяют сделать предположение, что элемент, появившийся в конструкции позднее (*у+РП*) и закрепившийся в ней, постепенно вытеснит исконный (ДП). В работе приводится ряд авторитетных свидетельств намеченной тенденции, подтверждающих, что дативная структура уступает место генитивной и воспринимается современными носителями языка как устаревшая (М. Гиро-Вебер, Н. Савицкий, О.А. Сулейманова) в таких конструкциях, как *ему оторвало руку/у него оторвало руку и ногу; мне разнесло плечо/у меня разнесло плечо; ему захватило дыхание/у него захватило дыхание* и т.п.

В **Заключении** делаются общие выводы, полученные в результате системно-функционального анализа категории падежа в русском языке.

Использование детерминантного подхода, разработанного в трудах Г.П. Мельникова и его учеников и восходящего к лингвистическим концепциям В. фон Гумбольдта, И.И. Срезневского, А.А. Потебни и И.А. Бодуэна де Куртэна, позволило перевести поиск инвариантов из плоскости грамматической семантики (= поиска инвариантных значений) в плоскость функционирования грамматических подсистем (= поиска инвариантных функций). При этом понятие инвариантной функции грамматической подсистемы оказалось изоморфным понятию внутренней детерминанты, применяемому Г.П. Мельниковым к уровню языковой системы в целом.

Проведенный анализ подтвердил *принципиальную возможность выявления инвариантов* при анализе грамматических систем в целом и русских падежей, в частности.

Понимание категории падежа как специализированной подсистемы языковых средств, позволяющих максимально точно передавать представление говорящего о коммуникативно значимых ролях участников ситуации путем соответствующего маркирования их языковых знаков, позволило выявить три системно существенных основания, по которым противопоставляются русские падежи:

- падежи-генераторы (ИП и ТП) / падежи-локализаторы (ПП, ВП, ДП и, частично, РП);
- падежи реальные (ИП, ПП, РП) / потенциальные (ТП, ВП, ДП) и
- (внутри падежей-локализаторов) падежи, указывающие на место фиксации (т.е. на непосредственный контакт с партиципантом) или на зону фиксации (т.е. на соположение с партиципантом при неважизимом непосредственном контакте).

При этом было установлено, что некоторые падежи входят в эту систему противопоставлений не всем своим системно-функциональным полем, т.е. не всей совокупностью своих грамматических значений. В особенности это касается родительного падежа: он оказался противопоставленным другим падежам по описанным функционально значимым системоорганизующим критериям (потенциальность/реальность, место/зона)

лишь в рамках конструкции *у+РП*, приобретшей своё собственную функцию в падежной системе. Все прочие прилагательные употребления генитива, как с предлогами, так и без предлогов, сохранились в языке в рамках его исходной инвариантной функции, оставаясь противопоставленными различным частным грамматическим значениям других падежей, но не участвуя в системе основных функциональных падежных противопоставлений. При этом родительный падеж, системно-функциональная история развития которого во многом отличается от судьбы других русских падежей, является в данном отношении, скорее, исключением: лишь именительный падеж входит в систему функциональных противопоставлений не всеми своими грамматическими значениями. Все остальные падежи оказываются противопоставленными на уровне их инвариантных функций, т.е. всей совокупностью своих грамматических значений, образующих единое системно-функциональное поле.

Результатом исследования стало выявление актуальных инвариантных функций всех русских падежей, а именно:

ИП – *маркирование имени генератора потенциального события.*

ТП – *маркирование имени вторичного генератора события.*

ПП – *маркирование имени партиципанта-места реализованной фиксации события.*

ВП – *маркирование имени партиципанта-места потенциальной фиксации результата действия.*

Приименный РП – *маркирование имени референта, ассоциация с которым служит для актуализации (порождения) текущего смысла определяемого слова (патронимическая функция).*

Приглагольный РП – *маркирование имени партиципанта-места, дистантно расположенного по отношению к производителю действия (дистантная функция).*

ДП – *маркирование имени партиципанта-зоны потенциальной фиксации результата события.*

Отдельно была сформулирована функция предложно-падежного сочетания *у+РП*, вошедшего в систему функциональных противопоставлений русских падежей:

У+РП – *маркирование имени партиципанта-зоны реализованной фиксации события*

В ходе системно-функционального анализа было показано, что инвариантная функция не является раз и навсегда данной, а развивается вместе с развитием всей системы языка от исходного состояния к актуальному. Это дало возможность представить системно-функциональное поле падежа в виде динамически развивающейся системы, все элементы и связи которой определяются на каждом конкретном этапе синхронной инвариантной функцией падежа, а общий вектор развития задается направлением развития инвариантной функции – от исходной к актуальной.

Была выявлена следующая динамика развития инвариантных функций косвенных падежей:

ТП: от маркирования имени possibiliзатора события к маркированию имени вторичного (потенциального) генератора события;

ПП: от маркирования имени партиципанта-места реальной или потенциальной фиксации события (при неважности наличия контакта с указанным местом) к маркированию имени партиципанта-места реальной фиксации события (при обязательном контакте с этим местом и конкретизации способа контакта с помощью предлогов);

ВП: от маркирования имени участника события, наиболее значимого после генератора (функция фокусировки), к маркированию имени участника-места потенциальной фиксации результата действия;

Приименный РП: патронимическая функция РП была исконно присуща этому падежу и сохранилась до наших дней без изменений;

Приглагольный РП: дистантная функция приглагольного РП была исконно присуща этому падежу и сохранилась до наших дней без изменений, хотя и претерпевала определенные временные изменения по ходу развития языка (развитие и отрицание объектной функции);

ДП: от маркирования имени участника, в зоне которого находился другой участник к маркированию участника-зоны потенциальной фиксации результата события.

Выявленная динамика развития инвариантных функций падежей впервые позволила объяснить причины отрицания и развития в языке падежных значений: соответствие/несоответствие древних падежных значений видоизменяющейся функции того или иного падежа в языке определяло их дальнейшую судьбу в языке. Такой подход позволил разработать причинно обусловленную хронологию системно-функционального развития падежей, нашедшую своё графическое отражение в соответствующих схемах (Приложение 1).

Результаты проведенного исследования в синхронном плане могут быть представлены в виде схемы системно-функциональных противопоставлений русских падежей:

РУССКИЕ ПАДЕЖИ → ↓	ГЕНЕРАТОРЫ СОБЫТИЯ	ЛОКАЛИЗАТОРЫ СОБЫТИЯ	
		Локализация в точке (месте)	Локализация в зоне
РЕАЛЬНЫЕ	ИП – маркирование имени генератора события	ПП – маркирование имени участника-места <i>реализованной</i> фиксации события	у+РП – маркирование имени участника-зоны <i>реализованной</i> фиксации события
ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ	ТП – маркирование имени вторичного (потенциального) генератора события	ВП – маркирование имени участника-места <i>потенциальной</i> фиксации результата действия	ДП – маркирование имени участника-зоны <i>потенциальной</i> фиксации результата события

Методологически значимым результатом исследования представляется подтверждение того факта, что полноценное понимание синхронных явлений невозможно без обращения к истории языка. От синхронии к диахронии и через диахронию к новому осмыслению современных языковых процессов – таков путь к пониманию тех или иных языковых явлений и процессов, позволяющий через ответ на вопрос "как?" не только прийти к ответу на вопросы "почему?" и "для чего?", но и сделать попытку ответить на вопрос "что будет дальше?", другими словами, перейти от описательного этапа развития науки к объяснительному и прогностическому.

Применение системно-функционального подхода к другим языковым категориям открывает широкие перспективы для развития «объяснительного» этапа современной лингвистики.

Основные положения диссертационного исследования изложены в следующих публикациях:

1. Русский генитив в функционально-семантическом аспекте: Монография. – М.: РУДН, 2007. – 143 с. (8,4 п.л.).
- Статьи, опубликованные в научных изданиях, рекомендованных ВАК России:**
2. Заметки об инвариантных значениях русских падежей (падежи-локализаторы) // Вестник РУДН. Сер. Русский язык нефилологам. Теория и практика. – М.: РУДН, 2002. – № 3. – С. 42-56.
3. Шкала потенциальной активности русских падежей // Вестник РУДН. Сер. Русский язык нефилологам. Теория и практика. – М.: РУДН, 2003 г. – № 1(4). – С. 19-32.
4. История и перспективы изучения именительного падежа: от частного к общему // Вестник РУДН. Сер. Русский язык нефилологам. Теория и практика. – М.: РУДН, 2004. – № 5. – С. 34-43.
5. Творительный падеж сквозь призму инвариантности. // Вестник РУДН. Сер. Русский язык нефилологам. Теория и практика. – М.: РУДН, 2005. – № 6. – С. 82-93.
6. Творительный места и времени в функционально-семантическом аспекте. // Вестник РУДН. Сер. Русский язык и иностранные языки и методика их преподавания. – М.: РУДН, 2005-2006 гг. – № 1 (3-4). С. 28-39.
7. Прямой и косвенный объекты в зеркале переходности // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. – М.: РУДН, 2007. – № 1. – С. 34-43.
8. Загадки родительного. Родительный приемный // Русский язык за рубежом. – М.: 2007. – № 4. – С. 25-29.
9. Системно-функциональный подход к описанию русских падежей: точка отсчета и точка отталкивания // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. – М.: РУДН, 2008. – № 1. – С. 34-43

Статьи в научных журналах

10. Истоки и суть детерминантного подхода к языку как системе (памяти Г.П. Мельникова) // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. – М.: РУДН, 2006. – № 2 (8). – С.13-21.

Статьи в сборниках научных трудов

11. К вопросу об инвариантных значениях русских падежей (падежи-локализаторы) // Русское слово в мировой культуре. X Конгресс МАПРЯЛ. – С.-Петербург: 2003. – Т. 2. – С. 110-115.
12. Инвариантное значение русского именительного с позиций системной типологии // Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка. XI Международная научно-методическая конференция. – Варшава: ARTICO, 2004а. – С. 195-201.
13. Об инвариантном значении творительного падежа // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2004 г.): Труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004б. – С. 227.
14. Именительный и творительный падежи на шкале потенциальной активности // Теория и практика преподавания русского языка иностранным учащимся в вузах. – М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2005. С. 98-104.
15. О терминах «переходность», «транзитивность» и «прямой объект» // Проблемы функционирования и преподавания русского языка в Юго-Восточной Азии: Доклады и сообщения международной конференции. – Ханой, 2005. – С. 86-91.

16. Инвариантная функция приименного родительного в русском языке // Проблемы функционирования русского языка в Республике Армения. Материалы международной научной конференции. 6-7 ноября 2006 г. – Ер.: Лингва, 2006. – С.32-33.
17. Инвариантная функция как альтернатива инвариантному значению // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2007 г.): Труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – С. 24.
18. Как отвечать на вопрос «почему»? // Мир русского слова и русское слово в мире. XI конгресс МАПРЯЛ. – София: Heron Press, 2007. – Т. 3. – С. 141-148.
19. Идея пространства сквозь призму падежной семантики // Материалы конференции, посвященной 20-летию основания Корейской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (KARLL.). – Чхонан: изд-во Университета Дангук, 2007. – С. 41-46.

Лутин Сергей Алексеевич (Россия)

Системно-функциональный анализ категории падежа в русском языке

Диссертация посвящена исследованию русской падежной системы в аспекте изучения грамматических значений русских падежей с точки зрения реализации в них инвариантных падежных функций. Проводится четкое различие функционального и семантического уровней анализа, в результате чего выявляется инвариантная функция каждого из русских падежей, а также определяются критерии их системно-функционального противопоставления; вместо многочисленных частных грамматических падежных значений, выделяемых в существующих лингвистических исследованиях, формулируются системообразующие инвариантные функции, из которых выводятся эти частные значения; показана динамика их исторического развития, в связи с чем ставится и решается задача объяснения сущности и принципов развития русской падежной системы; доказываемая принципиальная возможность выявления инвариантов при анализе грамматических систем в целом и русских падежей, в частности.

Lutin Sergey Alexeevich (Russia)

System-functional analysis of the Russian case category

The thesis is dedicated to the research of the Russian case system from a perspective of invariant case functions, which are realized in different grammatical case meanings. Both, the semantic and functional levels are sharply differentiated which enables to bring to light an invariant function of each Russian case and to define criteria of its system-functional oppositions. These invariant functions are of system determinative character for the Russian case system, all the grammatical case meanings can be deduced from the invariant function of the case. The dynamics of its historical evolution shown here allows to set and solve the problem of explanation essence and progression of the Russian case system. The fundamental possibility to uncover/discover/bring to light invariants is proved for the analysis of grammatical systems as a whole and for the case system, in particular.

The fundamental possibility of revealing invariants is proved in the analysis of grammatical systems as a whole and the Russian case system, in particular.

Подписано в печать 16.09.2008 г.

Печать трафаретная

Заказ № 744

Тираж: 100 экз.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(499) 788-78-56

www.autoreferat.ru

